

сериал

САРА МАКЛЕЙН

Скромница
для злодея

Очарование (АСТ)

Сара Маклейн

Скромница для злодея

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Маклейн С.

Скромница для злодея / С. Маклейн — «Издательство АСТ»,
2018 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-117410-1

Доброта, скромность — к несчастью, при помощи этих качеств девушке не найти себе мужа в лондонском свете, в чем леди Фелисити Фэрклот убедилась на личном горьком опыте. И потому, когда таинственный незнакомец, под покровом ночи пробравшийся в ее спальню, предлагает помочь ей сделать блестящую партию, она соглашается. У ее загадочного покровителя нет ничего, кроме темного прошлого, огромных денег, мрачного прозвища «Дьявол» и жажды мести в душе. И именно в орудие своей мести он намерен превратить Фелисити. Однако чем ближе к удачному завершению его коварный план, тем яснее становится Дьяволу: простодушная скромница, сама того не ведая, пробудила в его сердце чувства, которые он считал давно утраченными...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-117410-1

© Маклейн С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	40
Глава шестая	51
Глава седьмая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сара Маклейн

Скромница для злодея

*Моему отцу,
который первым услышал о моих
лордах-бандитах из Ковент-Гардена,
но так никогда с ними и не встретился.*

*Grazie mille, Papà.
Ti voglio tanto bene!*

Пролог

Прошлое

Эти трое срослись воедино задолго до того, как начали что-либо осознавать – словно переплетенные кусочки стальной лески, разъединить которые было невозможно, даже когда на этом настаивала судьба.

Братья, родившиеся в один день, один час, одну минуту, только у разных женщин. У дорогой куртизанки. У швеи. У вдовы солдата. Родившиеся в один день, один час, одну минуту – от одного и того же мужчины.

Герцога, их отца, судьба без колебаний наказала за высокомерие и жестокость, лишив его того единственного, чего он желал, но не мог купить ни за какие деньги – наследника.

Древние прорицатели предупреждали о мартовских идах, обещавших предательство и возмездие, превратности фортуны и неизбежные бедствия. Но этого самца-производителя (ибо он остался только им, не захотев стать отцом) погубили иды июньские.

Потому что в тот же самый день, тот же час и ту же минуту родился четвертый ребенок – у четвертой женщины. У герцогини. И на этих родах – родах, которые весь мир признал законными, – присутствовал герцог, хотя и знал, что ребенок, сын, который должен унаследовать его титул и состояние, зачат вовсе не им. И все же именно он является его единственной надеждой.

Да только родилась дочь.

И с первым своим вздохом она украла будущее у них всех, такая же могущественная во младенчестве, какой впоследствии станет в пору женской зрелости. Но об этом чуть позже.

А наша история начинается с мальчиков.

Глава первая

Настоящее время

Май 1837 года

Дьявол стоял около Марвик-Хауса, в черной тени древнего вяза, наблюдая за своим ублюдком-братцем, находящимся внутри дома.

Из-за мерцания свечей и пестрых стекол силуэты находящихся в бальном зале искажались и сливались, превращая людей – аристократов и богатое мелкопоместное дворянство – в сплошную движущуюся массу, напоминавшую Дьяволу течение Темзы, когда вода то отступает, то струится, поблескивая разными оттенками и издавая вонь.

Безликие тела – мужчины в темных костюмах и женщины, чьи шелковые и атласные наряды отражали свет, – медленно сходились, едва в состоянии шевельнуться в толпе, вытягивали шеи и обмахивались веерами, разгоняя по застоявшемуся воздуху бального зала сплетни и догадки.

А в самом центре стоял человек, которого всем им так отчаянно хотелось увидеть – отшельник герцог Марвик, буквально сияющий, несмотря на то что титул получил совсем недавно, после смерти своего отца. После смерти *их* отца.

Нет, не отца. Самца-производителя.

И теперь новоиспеченный герцог, юный и красивый, вернулся в Лондон, как блудный сын.

Он был на голову выше остальных собравшихся. Светловолосый, с каменным лицом и янтарными глазами, какими могли похвастаться поколения герцогов Марвиков. Крепкий, здоровый и холостой – настоящая мечта дамочек из высшего общества.

И проклятие его мужчин.

Дьявол представлял себе вульгарные шепотки, летавшие по бальному залу:

«Почему такой выдающийся человек вел себя как отшельник?»

«Кому какое дело, если он герцог?»

«Ты думаешь, слухи правдивы?»

«Кому какое дело, если он герцог?»

«Почему он никогда не приезжал в город?»

«Кому какое дело, если он герцог?»

«А что, если он и правда сумасшедший, как говорят?»

«Кому какое дело, если он герцог?»

«Я слышала, он хочет наследника».

Именно это и выманило Дьявола из темноты.

Двадцать лет назад, когда они были тремя братьями по оружию, они заключили соглашение. И хотя с тех пор произошло много всякого, одно оставалось священным и незыблемым: никто не изменяет условия соглашения с Дьяволом.

Во всяком случае, оставаясь безнаказанным.

Так что Дьявол с бесконечным терпением ждал в саду лондонской резиденции, принадлежавшей поколениям герцогов Марвиков, появления третьего участника соглашения. Прошли десятилетия с тех пор, как они с братом Уитом (вместе их называли в гнусных закоулках Лондона Бесперчаточниками) виделись с герцогом. Десятилетия с тех пор, как они глухой ночью бежали из загородной резиденции герцога, оставив позади тайны и грехи, чтобы создать свое собственное королевство, полное тайн и грехов совсем другого сорта.

Но двумя неделями ранее в самые знаменитые дома Лондона (с самыми почтенными именами) были доставлены приглашения, а в Марвик-Хаус прибыли слуги, вооруженные до зубов щетками и воском, утюгами и веревками для просушивания белья. Неделей ранее туда

доставили множество ящиков – свечи и скатерти, картофель и портвейн, а также с полдюжины кушеток для огромного бального зала Марвик-Хауса, каждую из которых сейчас украшали юбки самых достойных леди Лондона.

Три дня назад в главную контору Бесперчаточников в Ковент-Гардене принесли «Лондон Ньюс», и там, на четвертой странице, крупный заголовок, напечатанный чернейшими чернилами, гласил: «Таинственный Марвик собрался жениться?»

Дьявол аккуратно сложил газету и оставил ее на столе Уита. А когда на следующее утро вернулся на свое рабочее место, газета была ножом пришпилена к дубовой поверхности.

Так все и решилось.

Их брат, герцог, вернулся, появился без предупреждения в месте, предназначенном для лучших людей, но заполненном худшими из них, на земле, унаследованной им в тот момент, когда он заявил свои права на титул, в городе, который они давно сделали своим, – и поступив так, он проявил свою алчность.

Но алчность – в этом месте, на этой земле – запрещена. Поэтому Дьявол ждал и наблюдал.

После долгих минут ожидания воздух заколебался, и подле его локтя появился Уит, молчаливый и беспощадный, как целое воинское подразделение. Это было весьма кстати, поскольку начиналось не что иное, как война.

– Как раз вовремя, – негромко произнес Дьявол.

Бурчанье.

– Герцогу нужна невеста?

Кивок в темноте.

– И наследники?

Молчание. Не от незнания – гневное.

Дьявол смотрел, как их ублюдочный братец продвигается в толпе, направляясь в дальний конец бального зала, откуда в недра дома тянулся темный коридор. Настала его очередь кивнуть.

– Мы покончим с этим раньше, чем оно начнется. – Он прикоснулся к своей трости черного дерева. Потертый от времени набалдашник в виде серебряной львиной гривы безупречно лег в ладонь. – Войдем и выйдем, нанеся такой ущерб, чтобы он не мог последовать за нами.

Уит кивнул, но не произнес вслух того, о чем оба они думали – что человек, которого Лондон называл Робертом, герцогом Марвиком и которого они когда-то знали как мальчишку Эвана, на самом деле дикий зверь. Он – единственный на свете, кто однажды едва не взял над ними верх. Но это случилось давно, до того, как Дьявол и Уит стали Бесперчаточниками, королями Ковент-Гардена, и научились владеть оружием с точностью, сравнимой только с их угрозами.

Сегодня они покажут ему, что Лондон – их сфера влияния, и вернут его обратно в деревню. Для этого им всего лишь нужно попасть внутрь и напомнить ему об обещании, данном ими много лет назад.

Герцог Марвик не произведет на свет наследников.

– Хорошей охоты, – буркнул Уит, от долгого молчания его голос звучал хрипло.

– Хорошей охоты, – отозвался Дьявол, и оба безмолвно шагнули в тень под длинными балконами, зная: чтобы их не заметили, действовать нужно быстро.

Дьявол с грациозным изяществом взобрался на балкон, перепрыгнул через балюстраду и бесшумно приземлился в темноте. Уит последовал за ним. Они подошли к двери, зная, что оранжерея будет заперта и недоступна для гостей, а значит, окажется идеальным входом в дом. Бесперчаточники надели официальные костюмы, чтобы сливаться с толпой до тех пор, пока не найдут герцога и не нанесут свой удар.

Марвик будет не первым и не последним аристократом, который понесет заслуженное наказание от рук Бесперчаточников, но еще никогда Дьявол с Уитом не желали совершить это так сильно.

Едва рука Дьявола легла на дверную ручку, как та повернулась. Он мгновенно отдернул руку и попятился, сливаясь с темнотой. Уит спрыгнул с балкона и беззвучно приземлился на лужайке.

И тут появилась девушка.

Она торопливо закрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной, словно стремилась не дать кому-то ворваться следом за ней.

Как ни странно, Дьяволу показалось, что эта задача ей вполне по силам.

Девушка была напряжена, она стояла, прижавшись головой к двери, ее длинная шея в лунном свете казалась невероятно бледной, грудь вздымалась. Затянутая в перчатку рука легла на спрятанную в тени обнаженную кожу над вырезом платья, словно незнакомка старалась таким образом выровнять дыхание. Годы наблюдений подсказывали Дьяволу, что движения ее не наигранны и естественны. Она не знает, что за ней наблюдают. Не знает, что не одна тут.

Ткань ее платья мерцала в лунном свете, но тут было слишком темно, чтобы понять, какого цвета платье. Возможно, голубое. Зеленое? Луна превращала его в серебряное в одном месте и в черное – в других.

Лунный свет. Казалось, что вся она окутана лунным светом.

Это странное впечатление возникло, когда девушка подошла к каменной балюстраде, и на какую-то безумную долю секунды Дьяволу вдруг захотелось шагнуть в световое пятно и рассмотреть ее повнимательнее.

Разумеется, это было до того, как он услышал негромкую, нежную трель соловья – Уит его предостерегал. Напоминал об их плане, к которому девушка не имела ни малейшего отношения. Разве только мешала его осуществлению.

Она не знала, что птица вовсе не птица, и подняла лицо к небесам, положив руки на каменные перила и длинно выдохнув. Плечи ее при этом расслабились, словно она позволила себе перестать обороняться.

Ее кто-то преследовал.

Какое-то очень неприятное чувство пронзило Дьявола при мысли, что она сбежала в темную комнату, а оттуда на еще более темный балкон, где поджидал мужчина, который мог оказаться хуже всего того, что ждало ее в доме. И тут, словно выстрел в темноте, раздался ее смех. Дьявол застыл, мускулы на плечах напряглись, пальцы крепче вцепились в серебряный набалдашник трости.

Потребовалась вся его сила воли, чтобы не подойти к ней. Он заставил себя вспомнить, что он долгие годы таился в засаде, дожидаясь этого момента – так долго, что едва мог припомнить время, когда не был готов к сражению с братом.

И он не собирался позволить женщине сбить его с курса. У него даже не получалось как следует разглядеть ее, и все-таки он не мог отвести от нее глаз.

– Кто-то должен им сказать, какие они ужасные, – произнесла она, обращаясь к небу. – Кто-то должен подойти прямо к Аманде Фейрфакс и сказать, что никто не верит, будто ее родинка настоящая. И кто-то должен сказать лорду Хейгину, что от него воняет духами и ему не помешает принять ванну. И я буду от души рада напомнить Джареду о том случае, когда он плюхнулся спиной в пруд на загородном приеме моей матери, и ему пришлось положиться на мою доброту и ждать, когда я незаметно принесу ему сухую одежду.

Она замолчала так надолго, что Дьявол подумал, будто ее речь в пустоту закончена.

Однако девушка вдруг выпалила:

– И неужели Наташа обязательно должна быть такой *неприятной*?

– И это все, на что вы способны?

Он сам себя потряс этими словами – сейчас было не самое подходящее время, чтобы обратиться к балаболке, солирующей на балконе.

Еще больше он потряс Уита, если, конечно, внезапный резкий вскрик соловья хоть что-то значил.

Но сильнее всего он потряс девушку.

Негромко пискнув от удивления, она круто повернулась к нему лицом, и рука ее метнулась к обнаженной коже над лифом. Какого цвета этот лиф? Лунный свет продолжал играть над ним злую шутку, не давая рассмотреть.

Она наклонила набок голову и прищурилась, глядя в темноту.

– Кто здесь?

– И никто из вас не смог найти для этой Наташи оскорбления лучше, чем *неприятная*?

Она сделала шаг в его сторону, затем явно передумала приближаться к странному мужчине, скрывающемуся в темноте, и остановилась.

– А как *вы* опишете Наташу Корквуд?

– Я ее не знаю, поэтому никак. Но учитывая, что вы в пух и прах разнесли гигиенические привычки Хейгина и припомнили Фолку, как он едва не опозорился в прошлом, наверняка эта леди Наташа заслуживает подобного же уровня изобретательности.

Она долгую минуту молча смотрела в темноту, взгляд ее сосредоточился на какой-то точке, находящейся поверх его левого плеча.

– Кто вы такой?

– Моя личность не имеет никакого значения.

– Учитывая, что вы стоите на темном балконе пустого помещения в доме герцога Марвика, мне кажется, что вы человек, имеющий весьма серьезное значение.

– Исходя из вашей логики, вы девушка, имеющая серьезное значение.

Ее смех, неожиданный и громкий, удивил их обоих. Она покачала головой.

– Мало кто с вами согласится.

– Меня редко интересует мнение других.

– В таком случае, вы не можете быть членом светского общества, – сухо отозвалась она, – поскольку среди них мнение других ценится на вес золота. Оно важнее всего на свете.

Да кто она такая?

– Почему вы пришли в оранжерею?

Незнакомка моргнула.

– Откуда вы знаете, что это оранжерея?

– Я давно сделал это своим бизнесом – все знать.

– О домах, которые вам не принадлежат?

«Когда-то этот дом почти стал моим». Он сдержался и не произнес это вслух.

– В это помещение никто не заходит. Почему зашли вы?

Она молча пожала плечом. Одним.

Дьявол нахмурился.

– Вы тут встречаетесь с мужчиной?

Ее глаза широко распахнулись.

– Прошу прощения?

– Темные балконы созданы для тайных свиданий.

– Мне об этом ничего не известно.

– О балконах? Или о тайных свиданиях? – Впрочем, какое ему дело?

– Честно говоря, ни о том ни о другом.

Ему не следовало бы испытывать такое удовлетворение от ее ответа.

Она продолжила:

– Вы поверите, что мне просто нравятся оранжереи?

– Не поверю, – ответил он. – Кроме того, эта оранжерея закрыта для доступа. Девушка наклонила голову набок.

– Правда?

– В большинстве своем люди понимают, что в темные помещения доступ не разрешен. Она махнула рукой.

– Я не очень умная. – В это он тоже не поверил. – Знаете, я могу задать вам тот же вопрос.

– Который? – Ему совсем не нравилось, как она вплетает в разговор их обоих, поворачивая его в нужном ей направлении.

– Вы здесь ради тайного свидания?

На один безумный миг перед его глазами вспыхнула картинка тайного свидания, какое они могли бы назначить друг другу на этом темном балконе в разгар лета. Того, что она могла бы позволить ему сделать, пока половина Лондона танцует и сплетничает, ни о чем не догадываясь.

Того, что он мог бы позволить *ей* сделать с *ним*.

Он представил, как усаживает ее на эту каменную балюстраду, открывает для себя шелковистость ее кожи, ее аромат. Узнает, какие звуки она издает в моменты наслаждения. Вздохнет ли она? Или громко закричит?

Он застыл. Эта девушка с совершенно обычным лицом и ничем не примечательным телом, разговаривающая сама с собой, была вовсе не из тех, соитие с которыми обычно представлял себе Дьявол. Что с ним происходит?

– Что ж, приму ваше молчание за согласие. И оставлю вас наедине с вашим свиданием, сэръ. – Она зашагала по балкону, удаляясь от него.

Нужно было дать ей уйти.

Да только вместо этого он сказал ей вслед:

– Нет никакого тайного свидания.

Снова трель соловья. На этот раз короче и громче.

Уит был раздражен.

– Тогда зачем вы здесь? – спросила девушка.

– Возможно, по той же причине, что и вы, любовь моя.

Она презрительно хмыкнула.

– Мне трудно поверить, что вы – старая дева, которая скрылась в темноте после того, как над ней начали насмехаться те, кого она раньше считала друзьями.

Так. Он не ошибся. Ее и в самом деле преследовали.

– Вынужден согласиться, ничто из этого ко мне не подходит.

Незнакомка прислонилась к балюстраде.

– Выйдите на свет.

– Боюсь, этого я сделать не могу.

– Почему?

– Потому что я не должен тут находиться.

Она легко пожала плечом.

– Я тоже.

– Вы не должны находиться *на балконе*. Я не должен находиться *на территории*.

Ее губы округлились в букву О.

– Да кто вы такой?

Он проигнорировал вопрос.

– Почему вы старая дева? – Не то чтобы это имело значение.

– Потому что я не замужем.

Он с трудом подавил усмешку.

– Я заслужил такой ответ.

– Мой отец посоветовал бы вам более точно задавать вопросы.

– Кто ваш отец?

– А ваш кто?

Она не единственная упрямец, которую он встречал в своей жизни.

– У меня нет отца.

– У всех есть отец, – сказала она.

– Нет, если они не считают нужным это признавать, – произнес он со спокойствием, которого не ощущал. – Значит, возвращаемся к началу. Почему вы старая дева?

– Никто не хочет на мне жениться.

– Почему?

Правдивый ответ возник в ее голове мгновенно, но она предпочла дать другой.

– Я не... – Девушка замолчала, широко разведя руки, и он отдал бы все свое состояние, лишь бы услышать продолжение, в особенности когда она начала снова, загибая длинные, обтянутые перчаткой пальцы. – Засиделась в девках.

Она вовсе не кажется старой.

– Невзрачная.

Да, это ему в голову приходило, но вообще, ее нельзя назвать невзрачной. Вовсе нет. Собственно говоря, она прямая противоположность невзрачной девушке.

– Неинтересная.

Уж и вовсе неправда.

– Меня бросил герцог.

И это явно не вся правда.

– В этом и загвоздка?

– Верно, – сказала она. – Хотя это кажется несправедливым, потому что на самом деле герцог вообще не собирался на мне жениться.

– Почему нет?

– Он безумно любил свою жену.

– Это прискорбно.

Она отвернулась, снова вперив взгляд в небеса.

– Не для нее.

Дьяволу никогда в жизни ни к кому так не хотелось приблизиться. Но он остался в тени, прижавшись к стене и наблюдая за ней.

– Если вы не годитесь для замужества по всем этим причинам, то зачем попусту тратить свое время здесь?

Она коротко засмеялась, негромко и очаровательно.

– Вы что, не понимаете, сэр? Время любой незамужней женщины тратится с пользой рядом с холостым джентльменом.

– А, так вы не утратили надежды обрести мужа.

– Надежда цветет вечно, – сказала она.

Он едва не расхохотался, услышав этот сухой ответ. Едва.

– И каковы ваши успехи?

– Это сложно, поскольку у моей матери строгие требования к соискателю.

– Например?

– Сердцебиение.

Тут он действительно расхохотался хриплым смехом, чертовски поразив самого себя.

– С такими высокими стандартами неудивительно, что у вас столько сложностей.

Она усмехнулась, и ее зубы сверкнули белым в лунном свете.

– Я знаю, просто поразительно, что герцог Марвик не вылез из кожи вон, чтобы добраться до меня.

Напоминание о его собственной цели на этот вечер мгновенно отрезвило Дьявола.

– Так вы хотите заполучить Марвика?

«Только через мой разлагающийся труп».

Девушка махнула рукой.

– Моя мать хочет, так же как и все остальные матери в Лондоне.

– Говорят, он сумасшедший, – заметил Дьявол.

– Только потому, что люди не в состоянии понять, как человек может предпочесть жизнь вне светского общества.

Марвик жил вне общества только потому, что давным-давно дал обещание не жить в нем.

Но этого Дьявол ей не сказал.

Вместо этого он произнес:

– Они едва успели взглянуть на него.

Ее усмешка сделалась презрительной.

– Они увидели его титул, сэр. И еще он красив, как грех. В конце концов, даже герцог-отшельник сделает свою жену герцогиней.

– Это нелепо.

– Это брачная ярмарка. – Она помолчала. – Но это ничего не значит. Я не гожусь для него.

– Почему? – Какая ему разница?

– Потому что я не гожусь для герцогов.

«Да почему нет, черт возьми?»

Он не задал этого вопроса, но незнакомка все равно на него ответила, небрежно, словно беседовала за чаепитием в комнате, заполненной дамами.

– Когда-то я думала, что могу подойти герцогу. – Она говорила это скорее для себя, чем для него. – Но потом... – Она пожала плечами. – Не знаю, что случилось. Полагаю, все это вместе. Невзрачная, неинтересная, стареющая, подпирающая стенки старая дева. – Девушка засмеялась, перечислив все это. – Полагаю, мне не следовало мешкать и тянуть время, думая, что я все же найду себе подходящего мужа. Ведь этого так и не произошло.

– А теперь?

– А теперь, – в ее голосе прозвучала обреченность, – моя мать ищет кого-нибудь с достаточно сильно бьющимся пульсом.

– А чего ищете вы?

Уитов соловей снова запел в темноте, и она ответила эхом этому звуку:

– Никто никогда не спрашивал меня об этом.

– А все-таки, – подтолкнул ее Дьявол, понимая, что не должен этого делать. Понимая, что должен оставить эту девушку тут, на балконе, предоставив ее будущему, каким бы оно ни было.

– Я... – Она посмотрела в сторону дома, в сторону темной оранжереи, и лежащего за ней коридора, и сверкающего огнями бального зала за ним. – Я хочу снова стать частью всего этого.

– Снова?

– Когда-то я... – начала она и осеклась. Покачала головой. – Не важно. У вас есть куда более важные дела.

– Есть, но так как я все равно не могу ими заниматься, пока вы тут, миледи, я охотно помогу вам разобраться со всем этим.

Она улыбнулась.

– А вы забавный.

– Ни один из знающих меня людей не согласился бы с вами.

Ее улыбка сделалась еще шире.

– Меня редко интересует мнение других.

Он услышал эхо своих собственных слов, сказанных чуть раньше.

– Ни на миг не поверю.

Она махнула рукой.

– Когда-то я была частью этого. Находилась в самом центре. Я была невероятно популярна. Все хотели со мной познакомиться.

– И что случилось?

Она снова развела руками – это движение уже становилось знакомым.

– Не знаю.

Он вскинул бровь.

– Не знаете, что заставило вас подпирать стенку?

– Не знаю, – негромко повторила она, в ее голосе звучали замешательство и печаль. – Я никогда даже близко не подходила к стенкам. А потом, в один прекрасный день... – она пожала плечами, – я именно там и очутилась. Как плющ. И когда вы спросили меня, чего я ищу...

Она была одинока. Дьявол хорошо знал, что такое одиночество.

– Вы хотите вернуться.

Незнакомка коротко, безнадежно рассмеялась.

– Никто никогда не возвращается. Во всяком случае, без брака на вечные времена.

Он кивнул.

– Герцог.

– Мама может мечтать.

– А вы?

– А я хочу вернуться. – Еще одна предупредительная трель от Уита, и девушка оглянулась. – Какой настойчивый соловей.

– Он раздражен.

Она склонила голову набок, ей явно было любопытно. Не дождавшись объяснений, незнакомка добавила:

– Так вы скажете мне, кто вы такой?

– Нет.

Она кивнула.

– Думаю, так лучше, ведь я вышла сюда только для того, чтобы минутку отдохнуть от надменных усмешек и ехидных замечаний. – Она указала рукой в сторону освещенного участка на дальней стороне балкона. – Я пойду туда и найду себе подходящее укромное местечко, а вы, если хотите, можете продолжать тут скрываться.

Он ничего не ответил, не зная, что тут можно сказать.

– Я никому не скажу, что видела вас, – добавила она.

– Вы меня не видели, – возразил он.

– Дополнительное преимущество, потому что это правда, – добавила она услужливо.

Снова соловей. Уит не доверяет ему в отношении этой девицы.

Вероятно, и не должен.

Незнакомка присела в неглубоком реверансе.

– Ну что ж, возвращайтесь к своим нечестивым делишкам.

Мышцы вокруг его губ непривычно натянулись. Улыбка. Он не мог вспомнить, когда улыбался в последний раз. Улыбку вызвала эта странная девушка, словно она была волшебницей.

Она ушла прежде, чем он успел ответить, ее юбки взметнулись и исчезли за углом, там, где был свет. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не пойти за ней следом. Взглянуть на нее – на цвет ее волос, оттенок кожи, блеск глаз.

Он даже цвета ее платья не знал.

Вся сила воли, чтобы не пойти следом.

– Дьявол.

Собственное имя вернуло его в реальность. Он посмотрел на Уита, снова перемахнувшего через балюстраду и теперь стоявшего рядом с ним в тени.

– Сейчас же, – сказал Уит.

Пора было вернуться к плану. К человеку, которого он поклялся прикончить, если тот хотя бы одной ногой ступит в Лондон. Если когда-нибудь попытается предъявить права на однажды им украденное. Если хотя бы подумает о том, чтобы нарушить клятву, данную десятилетия назад.

И он его прикончит. Но не кулаками.

– Идем, дружище, – прошептал Уит. – Прямо сейчас.

Дьявол тряхнул головой, устремив взгляд на то место, где недавно стояла таинственная незнакомка.

– Нет. Пока нет.

Глава вторая

Сердце Фелисити Фэрклот колотилось невероятно сильно так долго, что она подумала, что ей может потребоваться доктор.

Оно колотилось с тех пор, как она выскользнула из освещенного бального зала Марвик-Хауса и застыла перед запертой дверью, стараясь не обращать внимания на почти невыносимое желание сунуть руку в прическу и вытащить шпильку.

Понимая, что она ни в коем случае не должна вытаскивать шпильку. Понимая, что ни в коем случае не должна вытаскивать две... и вставлять их в замочную скважину, находящуюся в неполных шести дюймах от нее, и терпеливо пытаться зацепить кулачки внутри замка.

«Мы не можем себе позволить еще один скандал».

Она слышала голос своего брата-близнеца Артура так отчетливо, словно он стоял рядом с ней. Бедный Артур, давно отчаявшийся передать свою сестру-старую деву – двадцать семь лет, давно задвинута на самую высокую полку, – под опеку другого мужчины, выразившего готовность содержать ее. Бедный Артур, чьи молитвы никогда не будут услышаны, даже если она перестанет вскрывать замки.

А другие голоса она слышала еще отчетливее. Насмешливые замечания. Имена. «Жалкая Фелисити». «Неудачливая Фелисити». И самое ужасное... «Конченная Фелисити».

«Что она вообще здесь делает?»

«Уж наверное, она не думает, что кто-то ее захочет».

«Бедный ее брат, отчаявшийся сбыть ее с рук».

«...Конченная Фелисити».

Когда-то давно подобный вечер мог стать мечтой Фелисити – вернувшийся в город молодой герцог, долгожданный бал, дразнящее обещание помолвки с новым, красивым, завидным холостяком. Это было бы восхитительно. Платья, драгоценности, оркестр, сплетни, болтовня, танцы, карты и шампанское. В бальной карточке Фелисити вряд ли остался бы хоть один свободный танец, а если бы и остался, то только потому, что она захотела бы немного времени для самой себя, чтобы насладиться своим пребыванием в этом сверкающем мире.

Больше этого нет.

Теперь она избегала балов, если могла, зная, что придется часами скрываться в углах зала, а не танцевать. Да еще жаркое смущение, охватывающее ее всякий раз, когда она сталкивалась с кем-нибудь из прежних знакомых. Воспоминание о том, как весело было смеяться с ними. Важничать с ними.

Но не было никакой возможности уклониться от бала, который давал блестящий молодой герцог, поэтому она втиснулась сперва в старое платье, а затем в карету брата и позволила Артуру притащить ее в бальный зал Марвика. И сбежала в ту же секунду, как брат отвернулся.

Фелисити пробежала по темному коридору. Сердце ее отчаянно колотилось, когда она вытащила из прически две шпильки, аккуратно согнула их и вставила сначала одну, а потом и другую в замочную скважину. Когда послышался негромкий щелчок и покорный ее воле язычок отскочил, ей показалось, что сердце сейчас выскочит из груди.

Но если подумать, весь этот грохот имел место до того, как она встретила того мужчину.

Хотя слово *встретила* не совсем точное.

Столкнулась с ним – тоже не очень-то правильно.

Ближе всего тут будет *прочувствовала*. Едва он заговорил, низкое гуденье его голоса окутало ее, как шелк в темный весенний вечер, он искушал ее, как сам порок.

При этом воспоминании щеки заалели – он словно пытался притянуть ее к себе, как если бы они были связаны одной нитью. Он будто мог вобрать ее в себя, и она бы подчинилась,

не сопротивляясь. Он сделал даже больше – вытащил из нее правду, и она с легкостью все выложила.

Перечислила все свои недостатки так, будто говорила об изменениях в погоде. Едва не призналась вообще во всем, даже в том, в чем не признавалась никогда и никому. Потому что это не казалось ей признанием. Казалось, что он уже и так все знает. А может, и правда знал. Может, он не был человеком в темноте. Может, он был самой темнотой. Эфемерной, таинственной, искушающей – куда более искушающей, чем дневной свет, где все недостатки, отметины и неудачи ярко освещены, и скрыть их невозможно.

Темнота – неведомое – всегда ее соблазняла. Замки. Преграды. Невозможное. Может, в этом вся суть? Фелисити всегда хотела невозможного, но не относилась к тем женщинам, кто это невозможное получал.

Но когда таинственный мужчина предположил, что она женщина, имеющая значение?.. На мгновение она ему поверила. Словно не смехотворна сама идея, что Фелисити Фэрклот, невзрачная незамужняя дочь маркиза Бамбла, на которую по причине ее собственной несчастливой судьбы и вопиющего несоответствия этому роскошному балу, на котором красавец-герцог ищет себе жену, не посмотрели дважды многие завидные холостяки, вдруг сможет одержать победу.

Невозможно.

Вот она и сбежала, вернувшись к своим прежним привычкам, и спряталась в темноте, потому что в темноте все кажется более вероятным – вероятнее, чем под холодным резким светом.

И казалось, что он тоже это знает, этот незнакомец. Знает, что она не хотела оставлять его в темноте. Знает, что она едва не присоединилась к нему там. Потому что в те короткие, мимолетные мгновенья она задавалась вопросом: может быть, ей хочется не вернуться в знакомый, отвергающий ее мир, а шагнуть в новый, темный, где все можно будет начать сначала? Где она станет кем-нибудь другим, а не Конченой Фелисити, старой девой, подпирающей стенку. И мужчина на балконе показался ей как раз тем, кто сможет предоставить ей такую возможность.

Что, разумеется, было абсолютным сумасшествием. Никто не сбегает прочь со странным мужчиной, случайно встреченным на балконе. Во-первых, именно так и случаются убийства. А во-вторых, мать этого не одобрит. И еще есть Артур. Степенный, безупречный, бедный Артур со своим: «Мы не можем себе позволить еще один скандал».

Поэтому она поступила так, как поступаешь после минуты безумия в темноте, – повернулась к нему спиной и направилась к свету, стараясь игнорировать укол сожаления, который почувствовала, завернув за угол огромного каменного фасада и шагнув в свет бального зала, находящегося за большими окнами, где бурлил и кружил водоворотом весь Лондон, смеясь, сплетничая и соперничая за внимание красивого таинственного хозяина.

Где без нее продолжал вращаться мир, частью которого она когда-то была.

Она долго смотрела в самый центр этого водоворота. Мельком увидела в дальнем конце зала герцога Марвика – высокого, светловолосого, невозможно красивого, с аристократической внешностью. При виде такого мужчины ей следовало бы вздохнуть, но на самом деле она осталась равнодушной.

Ее взгляд скользнул прочь от героя дня, на мгновенье остановился на медном отблеске волос ее брата. Тот стоял у дальней стены бального зала, погружившись в разговор с группой мужчин, выглядевших гораздо серьезнее их окружения.

Интересно, что они обсуждают – может быть, ее? Неужели Артур пытается убедить очередную партию мужчин в пригодности Конченой Фелисити?

«Мы не можем себе позволить еще один скандал».

Они и предыдущего себе позволить не могли. И предпредыдущего тоже. Но семья не желала этого признавать. Поэтому они и находились здесь, на балу у герцога, притворяясь, что правда вовсе не является правдой. Притворяясь, что все возможно.

Отказываясь верить, что невзрачная, несовершеннолетняя, всеми отвергнутая Фелисити никогда не завоюет сердце, разум и, самое важное, *руку* герцога Марвика, каким бы сумасшедшим отшельником он не был.

Впрочем, когда-то она могла бы. Герцог-отшельник рухнул бы перед ней на колени, умоляя леди Фелисити заметить его. Ну, возможно, не совсем рухнул бы и умолял, но потанцевал бы с ней точно. И она бы его рассмешила. И может быть... они бы друг другу понравились.

Но все это относится к тем временам, когда ей бы и в голову не пришло наблюдать за обществом со стороны – когда она даже представить себе не могла, что у общества есть другая сторона. Тогда она находилась внутри, юная и веселая, завидная, титулованная невеста.

У нее было несколько дюжин друзей и сотни знакомых, предостаточно приглашений на домашние приемы и прогулки по Серпентайну. Ни один прием не считался стоящим, если его не посещала Фелисити со своими друзьями.

Она никогда не оставалась одна.

А потом... все изменилось.

Однажды мир перестал сверкать. Или, точнее, *Фелисити* перестала сверкать. Друзья отделились и, что еще хуже, повернулись к ней спиной, даже не попытавшись скрыть своего презрения. Они получали удовольствие от того, что откровенно ее игнорировали. Словно раньше она не была одной из них. Словно они никогда не были друзьями.

«Пожалуй, и не были», – думала она. Как она этого не замечала? Почему не видела, что на самом деле они ее никогда не хотели?

И самый ужасный вопрос – *почему* они ее не хотели?

Что она такого сделала?

Да уж, *глупая Фелисити*.

Ответ больше не имел никакого значения – все это случилось так давно, что она сомневалась, помнит ли об этом хоть кто-то. Значение имело только то, что теперь на нее почти никто не обращает внимания, разве что посмотрят с жалостью или презрением.

В конце концов, невозможно любить старую деву меньше, чем ее любит создавший ее мир.

Фелисити, когда-то бриллиант аристократии (ладно, пусть не бриллиант, а рубин; ну, или сапфир), дочь маркиза с хорошим приданым, превратилась в настоящую старую деву с дополнением в виде будущего, полного кружевных чепцов и приглашений, присланных ей из жалости.

Если бы только она вышла замуж, говаривал Артур... то смогла бы избежать всего этого.

Если бы только она вышла замуж, говаривала ее мать... *они* смогли бы избежать всего этого. Потому что какой бы позорной ни была участь старой девы для нее самой, она являлась позором и для ее матери, в особенности учитывая, что мать в свое время удачно вышла замуж за маркиза.

Поэтому семейство Фэрклот делало вид, что не замечает происшедшего с Фелисити, и старалось сделать все возможное, чтобы найти для нее приличную партию.

Игнорировали они и желания самой Фелисити – те самые, о которых ее тут же спросил мужчина в темноте.

Ее желания. А она хотела ту жизнь, которую ей всегда обещали. Хотела снова стать ее частью. А если это невозможно (будем честными, она знала, что это невозможно, в конце концов, она вовсе не была душой), то хотела чего-то большего, чем простое утешение в супружестве. В этом-то и состояла главная сложность. Она всегда хотела больше, чем могла иметь.

И в результате осталась ни с чем, верно?

Фелисити испустила совершенно неподобающий леди вздох. Сердце ее больше не колотилось. Надо полагать, это хороший знак.

– Хотелось бы знать, могу я покинуть бал так, чтобы этого никто не заметил?

Едва слова сорвались с ее губ, как массивная стеклянная дверь, ведущая в бальный зал, распахнулась, и наружу высыпало с дюжину смеющихся гостей. В руках они держали бокалы с шампанским.

Настала очередь Фелисити попятиться в тень, прижимаясь к стене. Гости, задыхаясь, в шумном возбуждении подбежали к каменной балюстраде.

Фелисити знала этих людей.

«Ну конечно же».

Аманда Фейрфакс и ее муж Мэтью, лорд Хейгин вместе с Джаредом, лордом Фолком и его младшей сестрой Наташей, и еще двое – семейная пара, молодые, блондинистые, сияющие, как новенькие игрушки. Аманда, Мэтью, Джаред и Наташа любили коллекционировать новых клеветников. В конце концов, когда-то они взяли в свою коллекцию Фелисити.

Когда-то она была пятой в их квартете. Любимой – до тех пор, пока все не кончилось.

– Отшельник он или нет, но Марвик невероятный красавчик, – сказала Аманда.

– И богач, – заметил Джаред. – Я слышал, он только на прошлой неделе закончил меблировать дом.

– Я тоже слышала, – отозвалась Аманда, едва не задыхаясь от возбуждения. – А еще я слышала, что он устраивает посиделки с дамами – завсегдатаями чайных лавок.

Мэтью застонал.

– Уж если это не делает его подозрительным, я даже не знаю, что тогда делает. Кому захочется пить чай в компании двух десятков вдовушек?

– Мужчине, которому требуется невеста, – ответил Джаред.

– Или наследник, – мечтательно произнесла Аманда.

– Кхм, жена, – поддразнил ее Мэтью, и все они засмеялись, а Фелисити на долю секунды вспомнила, как славно было принимать участие в их шутках, сплетнях и поддразниваниях. Быть частью их сверкающего мира.

– Ему пришлось встретиться со вдовами и прочими знатными дамами, чтобы собрать тут сегодня весь Лондон, нет? – вмешалась третья женщина. – Без их одобрения никто бы и не пришел.

Краткий миг молчания, а затем основная четверка расхохоталась, и смех этот звучал скорее жестоко, чем дружески. Фолк подался вперед и постучал молодую блондинку пальцем по подбородку.

– А ты не особенно умная, верно?

Наташа шлепнула брата по руке и фальшиво нахмурилась.

– Джаред, ладно тебе. Ну откуда Аннабель знать, как все происходит среди аристократов? Она вышла замуж за человека гораздо выше себя по положению и раньше никогда ни с чем таким не сталкивалась!

Прежде чем Аннабель сумела в полной мере прочувствовать злые, жалящие слова, Наташа тоже подалась вперед и прошептала, медленно и размеренно, будто бедная женщина была не в состоянии понять даже самую простую вещь:

– Все до единого пришли бы, чтобы увидеть герцога-отшельника, голубушка. Он мог бы появиться тут нагишом, и мы все радостно танцевали бы вокруг него, делая вид, что ничего не замечаем.

– Если учитывать, что все утверждают, будто он сумасшедший, – вмешалась Аманда, – я думаю, мы все почти ожидали, что он появится нагишом.

Муж Аннабель, наследник титула маркиза Уоппинга, кашлянул и попытался замять оскорбление, нанесенное его жене.

– Что ж, сегодня вечером он потанцевал с парой десятков дам. – И взглянул на Наташу. – Включая вас, леди Наташа.

Наташа приосанилась, а все остальные захихикали – все, кроме Аннабель, с прищуром смотревшей на своего смеющегося мужа. Фелисити сочла этот взгляд в высшей степени удовлетворительным, потому что муж этот, безусловно, заслуживал любого наказания от своей жены за то, что не бросился на ее защиту. Но теперь уже слишком поздно.

– О да, – промурлыкала Наташа с видом кошки, досыта наевшейся сливок. – И я должна добавить, что он в высшей степени приятный собеседник.

– В самом деле? – спросила Аманда.

– Еще какой. Ни намека на сумасшествие.

– До чего интересно, Таша, – небрежно вставил лорд Хейгин и для вящего драматизма сделал глоток шампанского. – Мы внимательно наблюдали за вами на протяжении всего танца и не заметили, чтобы он заговорил с тобой хотя бы раз.

Все язвительно засмеялись, а Наташа побагровела.

– Ну, было очевидно, что он *хочет* со мной поговорить.

– Приятно побеседовать, разумеется, – насмешливо бросил ее брат, салютуя ей шампанским.

– И, – продолжала Наташа, – он обнимал меня очень крепко. Я чувствовала, что он с трудом сдерживает желание притянуть меня к себе ближе, чем это считается приличным.

– О, вне всякого сомнения, – язвительно отозвалась Аманда, даже не пытаясь скрыть недоверие. Она возвела глаза к небу, а остальные опять засмеялись. Ну, то есть все, кроме одного.

Джаред, лорд Фолк, в это время внимательно смотрел на Фелисити.

«Проклятье!»

Его взгляд сделался восхищенным и голодным, и желудок Фелисити устремился к камням под ее ногами. Она тысячу раз видела у него этот взгляд. Раньше у нее даже дыхание перехватывало, потому что этот взгляд означал – Джаред собирается своими остроумными репликами кого-нибудь жестоко высмеять. Но сейчас у нее перехватило дыхание совсем по другой причине.

– Послушайте! Я думал, что Фелисити Фэрклот ушла с бала тысячу лет назад.

– Я думала, мы ее выгнали, – сказала Аманда, еще не увидевшая того, что видел Джаред. – Честное слово. В ее возрасте, да еще без друзей, достойных упоминания, уже бы стоило перестать ездить на балы. Никому не хочется видеть, как рядом околачивается старая дева.

Аманда всегда обладала удивительным умением выбирать слова, жалящие, как зимний ветер.

– И, однако, она здесь, – объявил Джаред, презрительно усмехнувшись и махнув рукой в сторону Фелисити. Вся группа медленно обернулась и перед Фелисити предстала отвратительная живая картина – шесть самодовольных усмешек, четыре отточенных и две несколько неловких. – Притаилась в темноте и подслушивает.

Аманда начала рассматривать пятнышко на своих перчатках, словно созданных из морской пены.

– Право же, Фелисити. Это так надоедливо. Неужели здесь нет никого другого, к кому можно вот так подкрасться?

– Может быть, какого-нибудь лорда, чьи комнаты тебе захотелось бы исследовать? – Это сказал Хейгин, навверняка считая себя в высшей степени остроумным.

Остроумием он не блеснул, чего остальные, похоже, и не заметили, потому что презрительно усмехались, давась от смеха. Фелисити с отвращением ощутила, как ее окатило жаром, даже щеки запылали – сочетание стыда от услышанного и стыда за собственное прошлое, когда она точно так же давилась презрительным смехом.

Она спиной вжалась в стену, жалея, что не может просочиться сквозь нее.

Соловей, которого она слышала раньше, запел снова.

– Бедняжка Фелисити, – произнесла Наташа, обращаясь ко всей группе сразу. От фальшивого сочувствия в ее голосе по коже Фелисити поползли мурашки. – Она всегда хотела быть кем-то, имеющим большее значение.

И внезапно, из-за одного этого слова – *значение* – Фелисити вдруг поняла, что с нее довольно. Она шагнула в свет, выпрямив спину и отведя назад плечи, и ледяным взглядом смерила женщину, которую когда-то считала подругой.

– Бедняжка Наташа, – сказала она, в точности передразнивая ее тон. – Да ладно, неужели ты думаешь, что я тебя не знаю? Я знаю тебя лучше, чем все остальные здесь. Не замужем, в точности, как и я. *Невзрачная*, в точности, как и я. В ужасе от того, что тебя могут задвинуть на полку. Как меня. – Глаза Наташи широко распахнулись от этого описания. И Фелисити нанесла последний удар, больше всего на свете желая наказать эту женщину – женщину, так умело изображавшую ее подругу, а потом сделавшую ей так больно. – И когда это произойдет, вот эти люди не захотят тебя знать.

Соловей снова свистнул. Нет, не соловей. Это был совсем другой свист, долгий и негромкий. Она никогда не слышала такого птичьего пения.

А может быть, ее сердце колотилось с такой силой, что все звуки сделались странными. Подстегиваемая бешеным биением сердца, она повернулась к двоим новичкам в группе, устремившим на нее взгляды широко распахнутых глаз.

– Знаете, моя бабушка советовала мне остерегаться дурных людей – она любила говорить, что сущность человека можно понять по его друзьям. Ее слова более чем верны по отношению к этой группе. И вам следует быть осторожнее, если не хотите замараться в их саже. – Она повернулась к двери. – Лично я считаю, что мне повезло – я сумела уйти от них, только начав пачкаться.

Направляясь к двери бального зала, преисполненная гордости за то, что сумела противостоять этим людям, так долго ее унижавшим, она снова мысленно услышала сказанные ранее слова: «Вы человек, имеющий серьезное значение».

На ее губах заиграла легкая улыбка.

И в самом деле. Так оно и есть.

– Фелисити? – окликнула ее Наташа, когда она уже шагнула на порог.

Фелисити остановилась и обернулась.

– Ты от нас не уходила, – рявкнула Наташа. – Это *мы* тебя *выгнали*.

Наташа Корквуд такая... такая... неприятная.

– Мы тебя больше не хотели видеть рядом, поэтому и вышвырнули, – добавила Наташа холодных, жестоких слов. – Так же, как и все остальные. И так же они будут поступать и дальше. – Она повернулась к своим приятелям и засмеялась слишком жизнерадостно. – И только гляньте на нее, явилась и думает, что может соперничать за внимание герцога!

Такая неприятная!

«Это все, на что вы способны?»

Нет. Она способна на большее.

– Герцога, которого намерена завоевать *ты*, верно?

Наташа самодовольно улыбнулась.

– Герцога, которого я *завоюю*.

– Боюсь, ты уже опоздала, – без малейших колебаний произнесла Фелисити.

– Это почему же? – спросил Хейгин. Хейгин, со своим самодовольным лицом и волосами, как у принца из сказки. Который задавал вопросы так, словно снисходил до разговора с ней.

Как будто все они не были когда-то друзьями.

Позже она будет винить во всем воспоминания о былой дружбе, заставившие ее проявить несдержанность. Шепот прежней жизни, которую она потеряла в один миг, даже не поняв, за что. Сокрушительную печаль, уничтожившую ее.

В конце концов, должна же быть какая-то причина, по которой она сказала то, что сказала – учитывая, что это было чистым идиотизмом. Абсолютным безумием. Такой огромной ложью, что она затмила солнце.

– Ты опоздала с герцогом, – повторила Фелисити, даже в эту минуту понимая, что нужно немедленно замолчать. Остановить эти слова. Да только они словно превратились в понесшую лошадь – оборвавшую узду, свободную и *дикую*. – Потому что я его уже заполучила.

Глава третья

В последний раз Дьявол был в Марвик-Хаусе в ночь, когда встретился с отцом. Ему тогда исполнилось десять лет – слишком большой, чтобы оставаться в приюте, где он провел всю свою жизнь. Дьявол слышал сплетни о том, что случилось с мальчиками, переросшими приют. Он уже приготовился дать деру, не желая попасть в рабочий дом. Если все эти истории правдивы, он, скорее всего, умрет, и никто никогда не найдет его тело. Дьявол историям верил.

Каждый вечер, понимая, что это всего лишь вопрос времени и скоро за ним придут, он старательно складывал все свои пожитки. Пару слишком больших чулок, стянутых в прачечной. Корку хлеба или зачерствевшее печенье, припасенное во время обеда. Варезки, ношенные столькими мальчиками, что и не сосчитаешь, все в дырах, так что руки в них уже не согревались. И маленькую позолоченную булавку. К пеленкам, в которых его нашли младенцем, этой булавкой был приколот клочок ткани с вышитой на нем великолепной красной буквой М. Позолота с медной булавки давным-давно стерлась, а ткань, бывшая когда-то белой, посерела – слишком часто он трогал ее грязными пальцами. Но это было все, что осталось Дьяволу от его прошлого – единственный источник надежды на будущее.

Каждую ночь, лежа в полной темноте и прислушиваясь к тому, как плачут другие мальчики, Дьявол считал, сколько шагов ему потребуется, чтобы добраться от своего тюфяка до коридора, а из коридора к дверям. Потом за дверь – и в ночь. Он превосходно умел лазать и давно решил, что пойдет не по улицам, а по крышам – если за ним решат погнаться, то вряд ли отыщут его там.

Хотя вряд ли за ним кто-нибудь погонится. Вряд ли он кому-нибудь когда-нибудь понадобится.

Он услышал шаги в коридоре. Это идут за ним, чтобы отвести его в рабочий дом. Он скатился с тюфяка, пригнулся, схватил свои вещи и встал, прижавшись к стене возле двери.

Замок щелкнул, дверь отворилась, впуслав внутрь полоску света, отбрасываемого свечой – невиданное в приюте зрелище после наступления темноты. Он рванулся с места, проскочил мимо двух пар ног и пробежал уже половину коридора, когда сильная рука опустилась ему на плечо и приподняла вверх, оторвав от пола.

Он лягался и визжал, пытаясь укусить удерживающую его руку.

– Боже праведный, да это просто звереныш какой-то, – произнес глубокий баритон, и Дьявол мгновенно застыл. Он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь разговаривал на таком безупречном, сдержанном английском. Мальчик прекратил попытки укусить и извернулся, чтобы посмотреть на державшего его мужчину – высокого, как дерево, и чище всех, с кем Дьяволу пришлось за свою жизнь встретиться, с глазами цвета половиц в комнате, где они якобы молились.

Дьявол был не особо силен в молитвах.

Кто-то поднес свечу к лицу Дьявола, и яркое пламя заставило его отдернуть голову.

– Это он.

Настоятель.

Дьявол снова повернулся к тому, кто его держал.

– Я в рабочий дом нипочем не пойду!

– Конечно, нет, – ответил странный мужчина. Он потянулся к узелку Дьявола и развязал его.

– Эй! Это мои вещи!

Мужчина, не обращая на него внимания, отшвырнул в сторону носки и печенье, вытащил булавку и поднес ее к свету. Дьявол пришел в ярость от мысли, что этот человек, этот незнакомец, лапает единственную вещь, оставшуюся ему от матери. Единственную вещь,

оставиющуюся от его прошлого. Маленькие руки сжались в кулаки, и он с силой ударил нарядного мужчину в бедро.

– Это мое! Не троньте!

Мужчина зашипел от боли.

– Господи Иисусе. Дьявол нанес свой удар.

Настоятель елеиным тоном произнес:

– Этому он научился не у нас.

Дьявол нахмурился. Где бы еще он этому научился?

– Отдайте!

Хорошо одетый мужчина поманил его ближе, помахал перед Дьяволом его сокровищем.

– Это дала тебе твоя мать.

Дьявол протянул руку и выхватил булавку из руки мужчины, с отвращением ощущая охватившее его смущение. Смущение и тоску.

– Да.

Кивок.

– Я тебя искал.

В груди Дьявола вспыхнула надежда, жаркая и причиняющая неудобство.

Мужчина продолжал:

– Ты знаешь, кто такой герцог?

– Нет, сэр.

– Узнаешь, – пообещал тот.

Воспоминания – та еще гадость.

Дьявол крался по длинному верхнему коридору Марвик-Хауса. С этажа ниже доносились едва слышные звуки оркестра. Он с десятков лет не вспоминал ночь, когда отец его нашел. Может, и дольше.

Но сегодня, оказавшись в этом доме, где невероятным образом даже пахло так же, он вспомнил каждую мельчайшую деталь той ночи. Ванну, теплую еду, мягкую постель. Словно он заснул – и проснулся в мечте.

Та ночь и была мечтой.

Кошмар начался вскоре после.

Выкинув воспоминания из головы, Дьявол добрался до хозяйской спальни, положил руку на дверную ручку, быстро и бесшумно повернул ее и вошел внутрь.

Брат стоял у окна, небрежно держа в опущенной руке стакан. Его светлые волосы блестели в отблесках пламени свечи. Эван даже не повернулся к Дьяволу, только сказал:

– А я гадал, появишься ты тут сегодня ночью или нет.

Голос тот же самый. Ровный, сдержанный, низкий, как у их отца.

– Ты говоришь, как герцог.

– Я и есть герцог.

Дьявол позволил двери за собой закрыться.

– Я не это имел в виду.

– Я знаю, что ты имел в виду.

Дьявол дважды стукнул тростью об пол.

– Разве мы не заключили пакт много лет назад?

Марвик повернулся к нему в профиль.

– Я искал тебя двенадцать лет.

Дьявол опустил в низкое кресло рядом с пылающим в камине огнем и вытянул ноги туда, где стоял герцог.

– Если бы я только знал.

– Я думал, что ты знаешь.

Конечно, они знали. Едва они достигли совершеннолетия, в трущобы потянулся целый поток мужчин, вынюхивающих и выпрашивающих о троице сирот, которые могли появиться в Лондоне несколько лет назад. Два парня и девушка, с именами, которых не знал никто в Ковент-Гардене... за исключением самих Бесперчаточников.

Никто, кроме Бесперчаточников и Эвана, юного герцога Марвика, богатого, как сам король, и достаточно взрослого, чтобы удачно вложить деньги.

Но восемь лет, проведенных в трущобах, сделали Дьявола и Уита не только могущественными, но и хитрыми, не только сильными, но и грозными, и никто не говорил о Бесперчаточниках, опасаясь возмездия. Особенно с чужаками.

След остыл, вынюхивающие мужчины почти перестали чують запах и исчезли.

Однако на этот раз за ними пришел не наемный работник, а Марвик собственной персоной. Причем имевший куда лучший план, чем раньше.

– Полагаю, ты решил, что, объявив о поисках жены, ты привлечешь наше внимание, – проговорил Дьявол.

Марвик повернулся к нему.

– Так ведь все и получилось.

– Никаких наследников, Эван, – сказал Дьявол, не в силах назвать его титул. – Таково было соглашение. Ты помнишь, что было в последний раз, когда ты попытался отказаться от договора?

Глаза герцога потемнели.

– Да.

Той ночью Дьявол забрал все, что любил герцог, и сбежал.

– И что заставляет тебя думать, будто я снова так не поступлю?

– То, что на этот раз я герцог, – ответил Эван. – И моя власть простирается далеко за пределы Ковент-Гардена, невзирая на то, как тяжелы нынче твои кулаки, Дьявол. Я обрушу на тебя ад. И не только на тебя. На нашего брата. На твоих людей. Твой бизнес. Ты потеряешь все.

«Оно того стоит». Дьявол, прищурившись, посмотрел на брата.

– Чего ты хочешь?

– Я говорил тебе, что приду за ней.

«Грейс». Четвертая из их банды, девушка, которую Дьявол с Уитом называли сестрой, хотя общей крови у них не было. Девушка, которую Эван любил даже тогда, когда они были детьми.

Грейс, которую трое братьев поклялись защищать много лет назад, когда были юными и невинными, до того, как их узы разорвало предательство.

Грейс, которая после предательства Эвана стала самой опасной тайной герцогства. Грейс, рожденная женой предыдущего герцога, герцогиней. Грейс, крещенная как их ребенок, хотя она в некотором роде была незаконной.

Но теперь, много лет спустя, данное ей при крещении имя носил Эван. Он получил титул, не принадлежавший по праву никому из них.

И Грейс оставалась живым, дышащим доказательством того, что Эван украл у нее титул, состояние, будущее – и к такому воровству Корона вряд ли отнесется легко.

Воровство, которое, если оно обнаружится, заставит Эвана поплясать на веревке на площади перед тюрьмой Ньюгейт.

Дьявол перевел взгляд прищуренных глаз на брата.

– Ты ее никогда не найдешь.

Глаза Эвана потемнели.

– Я не причиню ей вреда.

– Ты и впрямь сумасшедший, как утверждает твоя драгоценная аристократия, если думаешь, будто мы тебе поверим. Не помнишь ночь, когда мы ушли? Я вот вспоминаю ее каждый раз, как смотрюсь в зеркало.

Взгляд Марвика метнулся к щеке Дьявола, к уродливому шраму на ней – серьезному напоминанию о том, как мало значит понятие братства, когда речь заходит о захвате власти.

– У меня не было выбора.

– Той ночью выбор был у нас всех. Ты выбрал титул, деньги и власть. И мы позволили тебе получить все это, хотя Уит хотел прикончить тебя до того, как гниль зачавшего нас человека поглотит тебя целиком. Мы позволили тебе жить, несмотря на твое явное желание видеть нас мертвыми. При одном условии – наш отец с ума сходил по наследнику, и хотя он получил фальшивого наследника в твоём лице, удовлетворения от того, что его род продолжается, он не получит даже после смерти. В этой битве мы всегда будем по разные стороны, герцог. Никаких наследников – таким было условие. Единственное условие. Все эти годы мы оставляли тебя в покое с твоим незаконно полученным титулом только поэтому. Но имей в виду – если решишь пренебречь им, я разорву тебя на куски, и ты никогда в жизни не обретешь и унции счастья.

– Думаешь, сейчас я купаюсь в счастье?

Иисусе, Дьявол надеялся, что нет. Он надеялся, что ничто на свете не сможет сделать герцога счастливым. Он наслаждался тем, что Эван ведет жизнь отшельника в доме, где сыновей-бастардов натравливали друг на друга, заставляя биться за признание их законнорожденными. За имя, титул и состояние. Учили танцам, этикету и красноречию, противоречившим позору, в котором все трое родились.

Он надеялся, что воспоминания о детстве и юности терзали брата, что сам он терзался угрызениями совести, вспоминая, как позволял себе изображать любящего сына перед поганым монстром.

И все же Дьявол солгал:

– Мне плевать.

– Я искал тебя больше десяти лет, а теперь нашел. Бесперчаточники, богатые и безжалостные, управляющие одному богу известно какой бандитской шайкой в самом сердце Ковент-Гардена – должен добавить, в месте, породившем меня.

– Оно выплюнуло тебя в тот миг, когда ты предал его. И нас, – сказал Дьявол.

– Я задавал сотни вопросов тысячами разных способов. – Эван отвернулся, небрежно провел рукой по белокурым волосам. – Никаких женщин. Никаких жен. Никаких сестер. Где она?

В его голосе прозвучала паника, и возникло смутное ощущение, что он действительно сойдет с ума, если не получит ответа. Дьявол прожил во тьме достаточно долго, чтобы понимать безумцев и их одержимость. Он покачал головой, мысленно благодаря богов за то, что обитатели Ковент-Гардена преданы им.

– Тебе до нее не добраться.

– Ты отнял ее у меня! – Паника перешла в ярость.

– Мы оградили ее от титула, – ответил Дьявол. – От титула, сделавшего омерзительным твоего отца.

– Это и твой отец.

Дьявол проигнорировал эту поправку.

– Титула, сделавшего омерзительным и тебя. Того самого титула, ради которого ты готов убить ее.

Герцог долгую минуту смотрел в потолок. Затем произнес:

– Мне следовало убить *тебя*.

– Она бы все равно сбежала.

– Я должен убить тебя прямо сейчас.

– В таком случае ты никогда ее не найдешь.

Челюсти, так напоминавшие отцовские, стиснулись. Взгляд обезумел, затем сделался пустым.

– Тогда пойми, Дьявол, у меня нет интереса выполнять мою часть сделки. У меня *будут* наследники. Я герцог. В течение года я обзаведусь женой и ребенком. Я отрекаюсь от нашего договора, если ты не скажешь, где она.

Теперь ярость охватила Дьявола, он крепче сжал серебряный набалдашник своей трости. Стоило бы убить брата прямо сейчас. Оставить его истекать кровью на проклятом полу, тем самым наконец-то вернув должок роду Марвик.

Он легонько ткнул тростью в свой черный башмак.

– Ты бы лучше не забывал о том, что мне о тебе известно, *герцог*. Одно мое слово, и тебя вздернут.

– Так почему ты молчишь? – Вопрос прозвучал не агрессивно, как ожидал Дьявол. Скорее в голосе Эвана звучала боль, словно он приветствовал смерть. Словно звал ее.

Дьявол проигнорировал эту мысль.

– Потому что играть с тобой гораздо занимательней.

Это, конечно, ложь. Дьявол с радостью уничтожил бы этого человека, бывшего когда-то ему братом. Но много лет назад, когда они с Уитом бежали из поместья Марвик, направляясь в Лондон, к ждущему их там пугающему будущему, они поклялись сберець Грейс и принесли еще одну клятву, на этот раз самой Грейс.

Они не убьют Эвана.

– Да, думаю, я сыграю в твою глупую игру, – произнес Дьявол, встав и дважды ударив тростью об пол. – Ты недооцениваешь могущество незаконнорожденного сына, брат. Леди любят мужчин, готовых взять их на прогулку в темноту. Я с радостью обещаю всех твоих будущих невест. Одну за другой, до конца времен. Без колебаний. Ты никогда не получишь наследника. – Он приблизился к брату и остановился перед ним, глядя ему в глаза. – Я выдернул Грейс прямо из-под тебя, – прошептал он. – Думаешь, не смогу и других?

Подбородок Эвана затрясся от сдерживаемой ярости.

– Ты пожалеешь, что удерживаешь ее вдали от меня.

– Никто ни от чего Грейс не удерживает. Это ее выбор – избавиться от тебя. Она предпочла бежать. Не доверяла тебе, не верила, что будет с тобой в безопасности. Только не когда она являет собой живое доказательство твоей самой мрачной тайны. – Он помолчал. – Роберт Мэтью Каррик.

Герцог услышал это имя, и взгляд его поплыл. Дьявол невольно подумал, что слухи, возможно, правдивы. Возможно, Эван и впрямь сумасшедший.

Ничего удивительного в этом нет, учитывая преследующее его прошлое. Преследующее их всех.

Но Дьяволу было плевать, и он продолжил:

– Она выбрала нас, Эван. И я позабочусь о том, чтобы любая женщина, за которой ты начнешь ухаживать, поступила точно так же. Я погублю каждую из них, причем с удовольствием. И сделав это, я спасу их от твоей безумной жажды власти.

– Думаешь, такой жажды нет у тебя? Думаешь, ты не унаследовал ее от нашего отца? Тебя называют Королем Ковент-Гардена – власть, деньги и грех окружают тебя.

Дьявол ослабился.

– Все до последней капли заработано, Эван.

– Украдено, ты хотел сказать.

– Уж ты-то точно неплохо разбираешься в украденном будущем. И в украденных именах. Роберт Мэтью Каррик, герцог Марвик. Славное имечко для мальчишки, рожденного в борделе Ковент-Гардена.

Герцог нахмурил брови, глаза его прояснились и потемнели.

– Ну так давай начнем, братец, потому что, похоже, мне уже даровали невесту. Леди Фелиция Фейрхейвен, или Фиона Фартинг, или еще какое-то дурацкое имя в этом роде.

Фелисити Фэрклот.

Так ее назвали те лошадиные задницы на балконе перед тем, как растерзали на кусочки и вынудили в приступе яростной дерзости назваться невестой герцога. Дьявол наблюдал за разворачивающейся катастрофой, не имея возможности помешать ей впутаться в делишки его брата. И в его собственные дела.

– Если ты хочешь убедить меня, что вовсе не собираешься причинять боль женщинам, втягивание в свою историю невинной девушки отнюдь не лучший способ это сделать.

Эван мгновенно уставился ему в глаза, и Дьявол пожалел о своих словах. Они намекали как раз на то, о чем Эван, похоже, думал.

– Я не стану причинять ей боль, – сказал Эван. – Я собираюсь на ней жениться.

Неприятное заявление царапнуло его, но Дьявол изо всех сил постарался не обращать на это внимания. Девушка с дурацким именем Фелисити Фэрклот совершенно определенно оказалась втянутой. А это значит, что у Эвана нет другого выбора, кроме как обручиться с ней.

Эван настойчиво продолжил:

– Похоже, ее семья отчаянно хочет заполучить герцога – так отчаянно, что сегодня вечером леди сама объявила о помолвке. А насколько мне известно, мы с ней даже не знакомы. Она, разумеется, весьма недалекая дурочка, но мне все равно. Наследники – это наследники.

Она вовсе не дурочка. Она обворожительна. Остроумна, любопытна, и чувствует себя в темноте куда уютнее, чем он мог себе представить. К тому же на ее улыбку любой мужчина обратит внимание.

Как жаль, что придется ее обесчестить.

– Я найду семью девушки и предложу им состояние и титул – все, что угодно. Все, что потребуется. Оглашение состоится в воскресенье, – Марвик говорил так спокойно, словно они обсуждали погоду, – и мы поженимся в течение месяца. А там и до наследников недалеко.

«Никто никогда не возвращается. Во всяком случае, без брака на вечные времена».

Сказанные Фелисити слова эхом прозвучали в голове Дьявола. Эта девушка придет в восторг от того, как повернулись события. Брак с Марвиком даст ей все то, чего она так хочет. Возвращение героини в общество.

Да только она не вернется.

Потому что Дьявол этого не допустит, красивая у нее улыбка или нет. Хотя улыбка, конечно, может подсластить ее крах.

Дьявол нахмурил брови.

– Ты получишь наследников от Фелисити Фэрклот только через мой гниющий труп.

– Думаешь, она предпочтет Ковент-Гарден Мейфэру?

«Я хочу вернуться».

Мейфэр представляет собой все, чего хочет Фелисити Фэрклот. Ему просто придется показать ей, что можно желать еще. А пока он метнул свой самый острый нож:

– Думаю, она не первая женщина, которая скорее предпочтет пойти на риск со мной, чем провести всю жизнь с тобой, Эван.

Нож попал в цель.

Герцог отвернулся, снова уставившись в окно.

– Убирайся.

Глава четвертая

Фелисити проплыла сквозь открытую дверь фамильного особняка, не обращая внимания на то, что брат следует за ней буквально по пятам. Она остановилась и вымученно улыбнулась дворецкому, все еще придерживающему дверь.

– Добрый вечер, Ирвинг.

– Добрый вечер, миледи, – нараспев отозвался дворецкий, закрыв дверь за Артуром и потянувшись к перчаткам графа. – Милорд.

Артур покачал головой.

– Я не надолго, Ирвинг. Я зашел только поговорить с сестрой.

Фелисити повернулась и наткнулась на взгляд карих глаз, точно таких же, как и ее собственные.

– Значит, теперь ты хочешь поговорить? Домой мы ехали в полном молчании.

– Я бы не назвал это молчанием.

– О, нет?

– Нет. Я бы назвал это потерей дара речи.

Она фыркнула, стягивая перчатки. Фелисити воспользовалась этой минутой, чтобы не смотреть брату в глаза и не испытывать жаркого чувства вины, пронизывающего ее насквозь при мысли, что придется обсуждать этот катастрофический вечер.

– Боже праведный, Фелисити! Я не уверен, что в христианском мире найдется хоть один брат, который сумеет подобрать нужные слова по поводу твоего нахальства.

– О, пожалуйста! Всего лишь одна крохотная ложь. – Она направилась к лестнице, махнув рукой и пытаясь сделать вид, что вовсе не перепугана до смерти. – Множество людей совершали куда более вопиющие поступки. Можно подумать, я пошла работать в бордель.

Глаза Артура чуть не вывалились из орбит.

– Крохотная ложь? – И прежде, чем она успела ответить, он добавил: – И ты даже слово «бордель» знать не должна.

Она обернулась, успев подняться на две ступеньки выше своего близнеца.

– В самом деле?

– В самом деле.

– Полагаю, ты думаешь, что мне не пристало знать слово «бордель».

– Не думаю. Знаю. И хватит говорить «бордель».

– Я тебя смущаю?

Брат прищурил карие глаза.

– Нет, но я вижу, что тебе этого хочется. И я не желаю, чтобы ты оскорбляла чувства Ирвинга.

Дворецкий вскинул брови.

Фелисити повернулась к нему.

– Я оскорбляю ваши чувства, Ирвинг?

– Не больше, чем обычно, миледи, – со всей серьезностью произнес старик.

Он ушел, а Фелисити коротко рассмеялась.

– Я счастлив, что хоть кто-то из нас все еще может находить в нашем положении удовольствие. – Артур посмотрел на большую люстру над головой и сказал: – Боже праведный, Фелисити.

Что ж, они вернулись туда, откуда начали. Ее снова пронзило чувством вины, паникой и осязаемым страхом.

– Я не собиралась этого говорить.

Брат кинул на нее взгляд.

– Бордель?

– О, теперь шутишь ты?

Он развел руками.

– Я не знаю, что еще делать. – Артур замолчал, потом ему в голову пришло еще кое-что. Совершенно очевидное. – Как ты вообще могла подумать...

– Знаю, – перебила она.

– Нет, не думаю. То, что ты сделала...

– *Я знаю*, – настойчиво повторила Фелисити.

– Фелисити. Ты сообщила всему миру, что выходишь замуж за герцога Марвика.

Ее уже подташнивало.

– Это был не весь мир.

– Нет, всего лишь шестеро величайших сплетников и сплетниц. Должен добавить, ни один из которых тебя не любит, так что вряд ли мы сумеем заткнуть им рты. – Напоминание об их неприязни ничуть не помогло успокоить ноющий желудок. Однако Артур, ничего не заметив, настырно продолжал: – Не то чтобы это имело значение. Учитывая скорость, с которой новость распространилась по бальному залу, ты с таким же успехом могла прокричать это с оркестровых подмостков. Мне пришлось срочно выбираться наружу, чтобы Марвик не отыскал меня и не начал выяснять отношения. Или того хуже, при всех собравшихся вслух назвал бы тебя лгуньей.

Она совершила ужасную ошибку и знала это. Но они так ее разозлили. И вели себя невероятно жестоко. А она была так одинока.

– Я не хотела...

Артур вздохнул, длинно и тяжело, словно под гнетом невидимого бремени.

– Ты никогда не хочешь.

Он произнес это очень тихо, почти прошептал, словно не желал, чтобы Фелисити услышала. Или как будто ее тут и вовсе не было. Но она, разумеется, тут была. Возможно, будет тут всегда.

– Артур...

– Ты не хотела, чтобы тебя застали в спальне мужчины...

– Я даже не знала, что это была его спальня!

Всего лишь запертая дверь. На верхнем этаже в доме, где давали бал, на котором разбилось ее сердце. Конечно, Артур никогда этого не поймет. С его точки зрения, это был невероятно глупый поступок. Возможно, и так.

Но сейчас он собирался сказать что-то еще.

– В последующие месяцы ты не хотела отвергнуть три выгодных предложения руки и сердца.

Фелисити резко выпрямилась. Это она как раз *хотела*.

– Эти предложения можно считать выгодными, если тебе нравятся престарелые или тупые мужчины.

– Это были мужчины, которые хотели на тебе жениться, Фелисити.

– Нет, это были мужчины, которые хотели жениться на моем приданом. Хотели войти в дело с *тобой*, – подчеркнула она.

Артур обладал великолепной деловой хваткой и умел превратить в золото даже гусиные перья.

– Один из них даже сказал мне, что я могу остаться жить в своем доме, если хочу.

Щеки ее брата побагровели.

– И что в этом плохого?

Она моргнула.

– Жить порознь с мужем в браке без любви?

– Прошу тебя, – насмешливо бросил Артур, – теперь, значит, мы хотим влюбиться? С таким же успехом могла бы просто забраться на ту чертову полку и сидеть на ней вечно.

Фелисити прищурилась.

– А что такого? Ты же любишь.

Артур резко выдохнул.

– Это другое.

Несколько лет назад Артур по большой любви женился на леди Прюденс Фезерстоун. Прю была девушкой, жившей в разорившемся поместье рядом с загородным имением отца Артура и Фелисити, и весь Лондон вздыхал, говоря о блестящем молодом графе Грауте, наследнике маркизата, и его бедной, но прелестной супруге, немедленно родившей своему ослепленному любовью мужу наследника и сейчас сидевшей дома в ожидании второго.

Прю с Артуром обожали друг друга абсолютно безрассудно, хотя в реальность их любви никто не верит до тех пор, пока не увидит своими глазами.

Они никогда не ссорились, им нравилось одно и то же, и их часто видели вместе в укромных уголках лондонских бальных залов, потому что обществу других они предпочитали компанию друг друга.

По правде сказать, от этого тошнило.

Но значит, такое вполне возможно, верно?

– Почему?

– Потому что я знал Прю всю свою жизнь, а любовь приходит не ко всем. – Он помолчал и добавил: – А если и приходит, то приносит с собой свои трудности.

Фелисити склонила голову набок. Что бы это значило?

– Артур?

Он покачал головой, отказываясь отвечать.

– Суть в том, что тебе уже двадцать семь, так что пора перестать метаться, нужно выйти замуж за приличного мужчину. Разумеется, теперь ты сделала это практически невозможным.

Но она не хочет какого-нибудь старого мужа. Она хочет большего. Хочет мужчину, который сможет... ох, нет, она не знает. Но уж точно не мужчину, который просто женится на ней и оставит ее в одиночестве на всю жизнь.

Тем не менее она не хотела, чтобы ее семья пострадала из-за ее поступков. Фелисити опустила взгляд на свои руки и честно сказала:

– Прости, мне жаль.

– Твоего раскаяния недостаточно.

Ответ прозвучал резко, куда резче, чем она могла ожидать от своего брата-близнеца, бывшего рядом с момента рождения. И даже раньше. Фелисити посмотрела в его карие глаза – глаза, которые знала так хорошо, потому что у нее точно такие же, – и увидела это. Неуверенность. Нет. Хуже. Разочарование.

Она шагнула к нему.

– Артур, что случилось?

Он сглотнул и покачал головой.

– Ничего. Я просто... я думал, у нас есть шанс.

– С герцогом? – Ее глаза от удивления широко распахнулись. – У нас его не было, Артур. Даже до того, как я это лягнула.

– На... – Он помолчал, сделавшись очень серьезным. – На достойную партию.

– И что, сегодня вечером там собралась команда джентльменов, готовых со мной познакомиться?

– Там был Мэтью Бингэмптон.

Она моргнула.

– Мистер Бингэмптон ужасно скучен.

– Он богат, как король, – возразил Артур.

– Боюсь, недостаточно богат, чтобы жениться на мне. Богатство не может купить тебе индивидуальность. – Артур что-то неразборчиво буркнул, и она добавила: – Неужели будет так ужасно, если я останусь старой девой? Никто не обвинит тебя в том, что я не гожусь для замужества. Наш отец – маркиз Бамбл, а ты граф и наследник. Мы вполне можем обойтись без достойной партии, разве нет?

Хотя она была по-настоящему сконфужена случившимся, какая-то (и немаленькая) ее часть искренне радовалась тому, что вся эта бессмысленная суета окончена.

Брат выглядел так, словно думал о чем-то другом.

– Артур?

– Еще там был Фридрих Гомригхаузен.

– Фридрих... – Фелисити склонила голову набок, окончательно сбита с толку. – Артур, герр Гомригхаузен прибыл в Лондон всего неделю назад. И он не говорит по-английски.

– Похоже, его это ничуть не волнует.

– Тебе не приходило в голову, что это может волновать *меня*, так как я не говорю по-немецки?

Он пожал плечами.

– Можешь научиться.

Фелисити моргнула.

– Артур, я не имею ни малейшего желания жить в Баварии.

– Я слышал, там очень неплохо. Говорят, у Гомригхаузена есть замок. – Он помахал рукой. – С башенками.

Фелисити опять склонила голову набок.

– И меня продадут в обмен на башенки?

– Возможно.

Фелисити долгую минуту смотрела на брата. Ее кое-что мучило – то, что она не могла озвучить, но все-таки решила попробовать:

– Артур?

Но прежде, чем он успел ответить, сверху послышался собачий лай, а следом голос:

– О боже. Насколько я понимаю, бал прошел не так, как планировалось?

Вопрос задали с площадки второго этажа, где крутились три длинношерстные таксы, гордость маркизы Бамбл. Сама маркиза, несмотря на то что ее нос был красный от простуды, вынудившей ее остаться сегодня дома, стояла с безупречной грацией, закутавшись в роскошный халат винного цвета. Ее серебряные волосы были распущены по плечам.

– Вы познакомились с герцогом?

– Вообще-то, она не познакомилась, – ответил Артур.

Маркиза перевела полный разочарования взгляд на свою единственную дочь.

– О, Фелисити. Так дело не пойдет. Герцоги, знаешь ли, не растут на деревьях.

– Да ну? – дерзко ответила Фелисити, желая, чтобы брат-близнец помолчал, и одновременно пытаясь отогнать собак, вставших на задние лапы и пачкающих юбки. – Лежать! Прочь!

– Ты вовсе не такая остроумная, как тебе кажется, – продолжила мать, не обращая внимания на собачью атаку. – Может, у нас появляется по герцогу каждый год? Герцогов не было вот уже несколько лет! А ты уже профукала свой шанс с прошлым.

– Герцог Хейвен уже был женат, мама.

– Совсем ни к чему сообщать мне об этом, как будто я не помню! – возмутилась мать. – Мне бы следовало как следует поговорить с ним о том, что он ухаживал за тобой, не имея намерения жениться.

Фелисити не обращала внимания на монолог, слышанный ею уже не меньше тысячи раз. И она ничуть не расстраивалась, что герцог предпочел остаться верным собственной жене.

Помимо того, что герцогиня Хейвен ей по-настоящему нравилась, она еще усвоила критически важную информацию об институте брака – что из безумно влюбленного мужчины получается замечательный муж.

Не то чтобы в картах Фелисити имелся безумно влюбленный муж. Этот корабль отплыл как раз сегодня. Точнее, если быть честной, он отплыл много месяцев назад, но последний гвоздь в гроб был забит как раз этим вечером.

– Я перепутала все метафоры.

– Что? – рявкнул Артур.

– Что ты сделала? – повторила за ним мать.

– Ничего, – махнула она рукой. – Просто думала вслух.

Артур вздохнул.

– Ради всего святого, Фелисити! Это точно не поможет тебе поймать герцога, – сказала маркиза.

– Матушка, Фелисити не ловит герцога.

– С таким отношением и не поймает, – возразила мать. – Он пригласил нас на бал! Весь Лондон думает, что он ищет жену! А ты дочь маркиза, сестра графа, и у тебя все зубы на месте!

Фелисити закрыла глаза, с трудом подавив порыв закричать, заплакать или засмеяться, а может, сделать все это одновременно.

– Значит, вот что требуется герцогам в наши дни? Наличие зубов?

– Это часть процесса! – настаивала маркиза. Ее панический возглас перешел в хриплый кашель. Она поднесла ко рту платок. – Проклятая простуда, если бы не она, я бы сама тебя представила!

Фелисити мысленно вознесла благодарственную молитву тому богу, который два дня назад наслал простуду в Бамбл-Хаус, иначе ее наверняка вынудили бы потанцевать или спровоцировали бы еще какую-нибудь глупую ситуацию с участием миндальной наливки и герцога Марвика. Никто не любит миндальную наливку, и почему ее подают на каждом балу, было выше понимания Фелисити.

– Ты бы не могла меня представить, – сказала Фелисити. – Ты незнакома с Марвиком. Никто с ним не знаком. Потому что он отшельник и сумасшедший, если верить слухам.

– Никто не верит слухам.

– Мама, все верят слухам. Если бы не верили... – Она подождала, пока маркиза чихнет. – Будь здорова, да благословит тебя Господь.

– Если бы Господь хотел меня благословить, он бы выдал тебя замуж за герцога Марвика.

Фелисити возвела глаза к потолку.

– Мама, если после сегодняшнего вечера герцог Марвик проявит ко мне хоть какой-то интерес, станет предельно ясно, что он и в самом деле сумасшедший – торчит в этом своем огромном доме, коллекционирует для личного музея незамужних женщин и наряжает их в красивые платья.

Артур моргнул.

– Это как-то мрачновато.

– Вздор, – отрезала мать. – Герцоги не коллекционируют женщин. – Она осеклась. – Минуточку. После сегодняшнего вечера?

Фелисити притихла.

– Артур? – обратилась мать к сыну. – Как вообще прошел вечер?

Фелисити повернулась к матери спиной и бросила на брата умоляющий взгляд широко распахнутых глаз. Она просто не выдержит, если он начнет рассказывать матери о катастрофических событиях этого вечера. Ей срочно необходимо уснуть. Желательно, выпив опиумной настойки.

– Без происшествий, правда, Артур?

– Какая жалость, – бросила маркиза. – И ни единой дополнительной поклёвки?
– Дополнительной? – повторила за ней Фелисити. – Артур, ты что, тоже ищешь мужа?
Артур кашлянул.

– Нет.

Фелисити вскинула брови.

– Кому ты отвечаешь «нет»?

– Маме.

– О, – со своей верхней ступеньки сказала маркиза. – А Бингхемптон? Или немец?

Фелисити моргнула.

– Немец. Герр Гомригхаузен. Говорят, у него есть замок! – воскликнула маркиза и снова мучительно закашлялась.

Фелисити не обращала внимания на мать, полностью сосредоточившись на брате. Тот изо всех сил старался избегать ее взгляда, но в конце концов с раздражением ответил:

– Да.

Это слово словно усилило голос, уже некоторое время шептавший что-то рядом с сознанием Фелисити.

– Они богатые. – Она взглянула на мать. – Мистер Бингхемптон, герр Гомригхаузен, герцог Марвик. – Она повернулась к Артуру. – Ни один из них мне не подходит. Но все они богаты.

– Право же, Фелисити! Леди не говорят о финансовом положении претендентов на их руку! – вскричала маркиза. Таксы залаяли и запрыгали вокруг нее, как маленькие толстые херувимчики.

– Да только они на мою руку не претендуют, верно? – уточнила Фелисити, вспыхнув и обратив обвиняющий взгляд на брата. – А если и претендовали... сегодня я все испортила.

Услышав это, маркиза ахнула.

– Что ты наделала на этот раз?

Фелисити не обратила внимания на тон матери, предполагавший, что она наверняка сотворила что-нибудь ужасное, вынудившее всех подходящих кавалеров бежать от нее подальше. Тот факт, что она и в самом деле сотворила именно это, мало что значил. Значение имело другое – семья определенно что-то от нее скрывает.

– Артур?

Артур обернулся, посмотрел на мать, и Фелисити тотчас же увидела в его взгляде раздраженную мольбу, знакомую ей с самого детства, словно она схватила с тарелки последний кусочек вишневого пирожного или просится пойти на пруд с братом и его друзьями. Девушка тоже взглянула на мать, следившую за ними с высоты, и на мгновение вспомнила обо всех тех случаях, когда они стояли на точно таких же позициях – дети внизу, а кто-то из родителей сверху, собираясь, как Соломон, решить очередную пустяковую проблему.

Да только сегодня проблема пустяковой не была.

Если выражение беспомощности на лице матери хоть что-то значило, проблема была куда больше, чем Фелисити могла вообразить.

– Что случилось? – спросила она и перешла с места на место – так, чтобы оказаться прямо перед братом. – Совершенно очевидно, что я оказалась в центре случившегося, поэтому хотелось бы знать, что же произошло.

– Я могла бы задать тот же вопрос, – провозгласила мать со своего возвышения.

Фелисити ответила маркизе, не глядя на нее.

– Я сообщила всему Лондону, что выхожу замуж за герцога Марвика.

– *Что?!*

Собаки снова громко залаяли, а на их хозяйку напал очередной приступ кашля. Но Фелисити по-прежнему не отводила взгляда от брата.

– Знаю. Это ужасно. Я навлекла на нас большие неприятности. Но не одна я... правда? – Артур виновато посмотрел ей в глаза, и она повторила: – Правда?

Он набрал в легкие побольше воздуха, затем длинно выдохнул. На его лице появилось выражение досады.

– Правда.

– Что-то произошло.

Он кивнул.

– Что-то, связанное с деньгами.

Еще кивок.

– Фелисити, мы не говорим с мужчинами о деньгах, – укорила дочь маркиза.

– В таком случае, матушка, тебе лучше уйти, потому что этот разговор должен состояться. – Артур посмотрел сестре в глаза. – Что-то, связанное с деньгами.

Он перевел взгляд в дальний конец коридора, туда, где из темноты тянулась узкая лестница, ведущая в комнаты прислуги. Сейчас слуги мирно спали, зная не зная, что их судьба висит на волоске. В точности, как не знала об этом и Фелисити – до той самой секунды, когда ее брат, которого она любила всем сердцем, кивнул в последний раз и произнес:

– У нас их нет.

Она моргнула. Это прозвучало ожидаемо, но все равно потрясло.

– Что это значит? – Девушку охватило раздражение.

Артур отвернулся, пригладил растопыренной пятерней волосы, затем снова повернулся к ней и развел руками.

– А на что это похоже? Денег нет.

Фелисити отошла от лестницы, помотала головой.

– Как такое возможно? Ты же Мидас!

Он засмеялся весьма безрадостным смехом.

– Больше нет.

– Артур не виноват, – произнесла с лестничной площадки маркиза Бамбл. – Он не знал, что это недобросовестная сделка. Думал, остальным участникам можно доверять.

Фелисити тряхнула головой.

– Недобросовестная сделка?

– Не было никакой недобросовестной сделки, – негромко сказал он. – Никто меня не обманывал. Я просто... – Она шагнула к брату, потянулась к нему, желая утешить. Он добавил: – Я даже не предполагал, что могу их потерять.

Фелисити взяла его руки в свои.

– Все будет хорошо, – спокойно проговорила она. – Значит, ты потерял часть денег.

– Все деньги. – Он посмотрел на их переплетенные пальцы. – Господи, Фелисити! Прю ничего не знает.

Фелисити не думала, будто ее невестка станет хоть немного переживать из-за того, что Артур неудачно вложил деньги. Она улыбнулась брату.

– Артур, ты же наследник маркизата. Отец поддержит тебя, пока ты восстанавливаешь бизнес и репутацию. Ведь есть земли. Дома. Все исправится.

Артур покачал головой.

– Нет, Фелисити. Отец вложил деньги вместе со мной. Все пропало. Все, что не входит в майорат.

Фелисити моргнула, затем повернулась к матери, стоявшей, прижав руку к груди. Та кивнула.

– Все.

– Когда?

– Это не важно.

Она резко повернулась к брату.

– А мне кажется, что очень важно. Когда?

Он сглотнул.

– Восемнадцать месяцев назад.

У Фелисити отвисла челюсть. Восемнадцать месяцев! Они лгали ей полтора года. Из всех сил пытались выдать замуж за кучу отнюдь не идеальных мужчин, потом отправили на нелепый загородный прием, связав ее судьбу с судьбой еще четырех женщин, пытавшихся покорить герцога Хейвена, чтобы он сделал одну из них своей второй женой. Разумеется, следовало бы все понять еще тогда, в ту же минуту, когда мать, которую всегда волновали приличия, ее собаки и ее дети (именно в таком порядке), предложила, чтобы Фелисити посостязалась за руку герцога.

Следовало понять, когда отец это допустил.

Когда это позволил брат.

Она взглянула на него.

– Герцог был богатым.

Он моргнул.

– Который из них?

– Оба. Тот, прошлогодний. И сегодняшней.

Он кивнул.

– И все остальные тоже.

– Достаточно богаты.

В ушах шумела кровь.

– Я должна была выйти за одного из них.

Он кивнул.

– И этот брак пополнил бы наши сундуки.

– Задумано было именно так.

Они использовали ее полтора года. Строили планы, не сообщая о них ей. Полтора года. Она была пешкой в их игре. Фелисити потрясла головой.

– Как ты мог не сказать мне, что цель – мое замужество любой ценой?

– Потому что это не так. Я бы не выдал тебя за кого попало...

Она услышала неуверенность в последних словах.

– Однако?

Артур вздохнул и махнул рукой.

– Однако.

Она услышала то, что он не произнес: «Нам необходим этот брак».

Денег нет.

– А как же слуги?

Он покачал головой.

– Мы сократили число прислуги везде, кроме этого дома.

Фелисити покачала головой и повернулась к матери.

– Все эти отговорки – миллион причин, почему мы не переезжаем за город.

– Мы не хотели тебя волновать, – ответила мать. – Ты уже была такой...

«Жалкой. Конченой. Забытой».

Фелисити опять покачала головой.

– А арендаторы?

Работающие люди, трудившиеся на земле в деревне. Полагавшиеся на титул, который их обеспечит и защитит.

– У них осталось то, что они производят, – отозвался Артур. – Они используют свой скот. Сами чинят свои дома.

Теперь их защищает не титул, к которому привязана земля.

Денег нет. Нет ничего, что поможет сберечь землю для будущих поколений – для детей арендаторов. Для юного сына Артура и того, второго, которого они ждут. Для ее собственного будущего, если она так и не выйдет замуж.

«Мы не можем себе позволить еще один скандал».

Слова Артура снова непрошено возникли у нее в голове. Теперь до нее доходил их истинный смысл.

На дворе девятнадцатый век, и наличие титула не гарантирует высокий доход и привычный ей образ жизни, как когда-то; по всему Лондону встречаются обнищавшие аристократы, и вскоре их ряды пополнит семейство Фэрклот.

Вины Фелисити в этом нет, но почему-то ей кажется, что виновата именно она.

– А теперь они меня не возьмут.

Артур стыдливо отвел взгляд.

– Нет, не возьмут.

– Потому что я солгала.

– Что в тебя вселилось? Зачем ты произнесла такую вопиющую ложь? – воскликнула ее мать, задыхаясь от паники.

– Полагаю, то же самое, что вселилось в вас обоих, то, что заставило скрывать от меня такую вопиющую тайну, – отрезала Фелисити, чувствуя, как ее охватывают беспомощность и раздражение. – Отчаяние.

Гнев. Одиночество. Желание подправить будущее, чтобы не думать о том, что произойдет дальше.

Ее близнец посмотрел ей в глаза чистым и искренним взглядом.

– Это была ошибка.

Она вздернула подбородок, чувствуя, как внутри бушуют ярость и ужас.

– С моей стороны тоже.

– Мне следовало сказать тебе.

– Нам обоим многое следовало сделать.

– Я думал, что смогу уберечь тебя... – начал Артур, но Фелисити вскинула руку, останавливая поток слов.

– Ты думал, что сможешь *уберечь* себя. Думал, сможешь избавить себя от необходимости рассказать правду о реальном положении дел жене, которую вроде бы должен любить и лелеять. Думал, что сможешь избавить себя от стыда и позора.

– Не только стыда. От волнений тоже. Я ее муж. Я должен заботиться о ней. Обо всех них.

О жене. О ребенке. И об еще одном – том, который на подходе.

Фелисити почувствовала, как ее охватывает печаль. И сочувствие с примесью разочарования и страха. И чувство вины за столь опрометчивое собственное поведение, за слишком громкие разговоры, за огромное количество ошибок.

В наступившей тишине послышался голос Артура:

– Я не должен был тебя использовать.

– Верно, – ответила она, слишком злясь, чтобы позволить ему соскользнуть с крючка. – Не должен был.

Он снова безрадостно рассмеялся.

– Полагаю, я заслужил то, что меня ждет. В конце концов ты не выйдешь за богатого герцога. Да и вообще за кого-нибудь богатого. И не вздумай снижать планку своих ожиданий.

Да только теперь, после того как Фелисити так ужасно солгала, она разрушила все шансы на хоть какие-нибудь ожидания. И, для полного «счастья», погубила все шансы на обеспеченное будущее семьи.

Теперь ее не возьмет замуж никто – она не просто запятнана прошлым своим поведением, но еще и наврала. Публично. О том, что выходит замуж за герцога.

Ни один мужчина в здравом уме не сочтет подобное оскорбление достойным прощения. Прощайте, ожидания.

– Ожидания не будут стоить ничего, если у нас не останется крыши над головой. – Маркиза вздохнула, словно стоя на своей лестничной площадке, могла прочесть мысли Фелисити. – Святые небеса, Фелисити, что в тебя вселилось?

– Это не имеет значения, матушка, – вмешался Артур прежде, чем Фелисити успела открыть рот.

Артур – всегда ее защищавший. Всегда пытавшийся защитить всех, болван эдакий!

– Ты прав. – Маркиза вздохнула. – Полагаю, он уже успел полностью развеять иллюзии общества на этот счет, так что мы вернулись на наше законное место в скандале.

– Скорее всего, – сказала Фелисити. У нее внутри, сбивая ее с толку, бушевали чувство вины, ярость и досада. В конце концов, она женщина, а значит, в подобных случаях должна иметь одну-единственную цель... выйти замуж за деньги и вернуть семье честь и богатство.

Да только после сегодняшнего вечера на ней никто не женится.

Во всяком случае, никто в здравом уме.

Артур почувствовал, насколько ей неприятен этот поворот в разговоре. Он положил руки сестре на плечи, наклонился и по-братски чмокнул ее в лоб.

– У нас все будет хорошо, – решительно произнес он. – Я найду другой способ все вернуть.

Она кивнула, стараясь не расплакаться.

Понимая, что прошло уже полтора года, а единственное решение, найденное Артуром, – выдать ее замуж.

– Иди домой, к жене.

Он сглотнул, услышав напоминание о своей привлекательной, любящей жене, ничего не знающей о беде, в которой они оказались. Счастливая Прюденс.

Снова обретя дар речи, Артур прошептал:

– Она ничего не должна знать.

Страх в его голосе был почти осязаем. Ужасно.

В какую же неразбериху они попали!

Фелисити кивнула.

– Это наш секрет.

Когда дверь за ним закрылась, Фелисити подобрала юбки – юбки на платье прошлого сезона. Его слегка перешили, чтобы оно соответствовало нынешней моде, вместо того чтобы просто выкинуть и сшить что-нибудь новое. Как же она ничего не понимала?

Девушка поднималась вверх по лестнице, а собаки металась перед ней взад-вперед.

Добравшись до площадки, она посмотрела на мать.

– Твои псы пытаются меня убить.

Маркиза кивнула, позволяя сменить тему.

– Вполне возможно. Они очень умные.

Фелисити вымученно улыбнулась.

– Твои лучшие дети.

– Доставляют меньше неприятностей, чем остальные, – ответила мать, наклоняясь и подхватывая на руки одного длинного мохнатого пса. – И что герцог, очень красив?

– Я в толпе толком его не разглядела, но вроде бы да.

Внезапно Фелисити поймала себя на мыслях о другом мужчине. Том, из темноты. Том, которого только хотела рассмотреть. Он заворожил ее, как отблеск пламени, который она видела, не имея представления о целом костре.

Но если этот вечер чему-то ее и научил, так это тому, что волшебство нереально, оно – лишь иллюзия. Реальными бывают только неприятности.

– Все, чего мы хотели, это достойная партия. – Голос матери врезался в ее размышления. Губы Фелисити искривились.

– Знаю.

– Это что, действительно так плохо?

«Ты от нас не уходила. Мы тебя выгнали».

«Конченная Фелисити. Забытая Фелисити. Жалкая Фелисити».

«Ты опоздала с герцогом; я его уже заполучила».

Фелисити кивнула.

– Даже хуже.

Она по темным коридорам добралась до своей спальни. Вошла в тускло освещенную комнату, бросила перчатки и ридикюль на маленький столик возле двери, закрыла ее и прислонилась к ней спиной, наконец-то выдохнув – ей казалось, что она задерживала дыхание все время, начиная с той минуты, когда много часов назад одевалась для бала у Марвика.

В темноте Фелисити подошла к кровати и упала на матрас. Долго смотрела на балдахин над головой, мысленно заново проигрывая все ужасные события вечера.

– Какая катастрофа.

Какое-то время она представляла себе, что бы делала, будь она не самой собой – слишком высокой, слишком обыкновенной, слишком старой и прямолинейной – настоящей тихоней у стеночки, не имеющей ни малейшей надежды заполучить завидного холостяка. Она вообразила себе, как украдкой выбирается из дома и возвращается на место своего преступления.

Добывает состояние для своей семьи и целый мир для себя.

Желает больше, чем может получить.

Не будь Фелисити собой, она могла бы это сделать. Могла бы отыскать герцога и очаровать его. Могла бы поставить его на колени. Будь она красивой, остроумной и блистающей. Будь она не на краю мира, а в самом его центре. Будь она в комнате, а не подглядывая в замочную скважину.

Если бы она умела разжигать страсть – такую, которая, как она видела, поглощает мужчину, как магия. Как огонь. Как пламя.

Желудок перевернулся от этой мысли, от фантазии, пришедшей следом. От наслаждения – того, чего она никогда не позволяла себе воображать. Герцог, отчаянно мечтающий о ней.

Партия века.

– Если бы только я была пламенем, – сказала она, обращаясь к балдахину над головой. – Это бы все решило.

Но это невозможно. И она вообразила другое пламя, пронсящее по Мейфэру, испепеляющее ее будущее.

Будущее ее семьи.

Она представила себе прозвища.

«Врушка Фелисити».

«Лживая Фелисити».

– Да ради бога, Фелисити! – прошептала она.

И долго лежала, охваченная стыдом и паникой, обдумывая свое будущее, пока воздух вокруг не потяжелел. Она подумала, не заснуть ли прямо в платье, вместо того чтобы позвать горничную и попросить помочь его снять. Но платье было тяжелым и сдавливающим, а из-за корсета она толком не могла дышать.

Застонав, Фелисити села, зажгла свечу на прикроватном столике и потянулась к шнуру, чтобы позвонить горничной.

Но прежде, чем успела до него дотронуться, из темноты послышался голос:

– Вам не следует говорить неправду, Фелисити Фэрклот.

Глава пятая

Услышав это, Фелисити с негромким вскриком вскочила с кровати и резко повернулась, глядя в дальний конец комнаты, укутанный тьмой. Там все выглядело как обычно.

Высоко подняв свечу, она всмотрелась в углы, и в конце концов свет коснулся пары безупречно начищенных сапог, в которые были обуты вытянутые, скрещенные в лодыжках ноги. В носок одного сапога упирался сверкающий серебряный наконечник трости.

Это он.

Здесь. В ее спальне. Как будто это совершенно нормально.

Этим вечером вообще не было ничего нормального.

Сердце ее заколотилось сильнее, чем тогда, на балу. Фелисити попятилась к двери.

– Полагаю, вы ошиблись домом, сэра.

Сапоги не шелохнулись.

– Я попал туда, куда нужно.

Она моргнула.

– В таком случае, вы определенно ошиблись комнатой.

– И комната та, которая нужна.

– Это моя спальня!

– Не мог же я посреди ночи постучаться в дверь и попросить разрешения с вами поговорить, верно? Соседи пришли бы в ужас, и куда бы это вас привело?

Она удержалась и не сказала, что утром соседи в любом случае придут в ужас, ведь к этому времени весь Лондон будет знать, что она наврала.

Он как будто услышал эту мысль.

– А зачем вы солгали?

Девушка проигнорировала вопрос.

– Я не разговариваю с незнакомцами в моей спальне.

– Но мы уже не незнакомцы, милая. – Серебряный наконечник постукивал по кончику сапога в медленном, ровном ритме.

Ее губы дернулись.

– Я не трачу время на людей, которые не думают о последствиях.

Хотя он оставался в темноте, ей показалось, что она услышала в его голосе улыбку.

– И сегодня вечером вы это продемонстрировали, верно, Фелисити Фэрклот?

– Я не единственная, кто сегодня лгал. – Она прищурилась, глядя в темноту. – Вы знали, кто я такая.

– Вы единственная, чья ложь достаточно велика, чтобы уничтожить этот дом.

Фелисити нахмурилась.

– Вы победили, сэра. Какова ваша цель? Нагнать на меня страх?

– Нет. Я не хочу вас пугать. – Голос мужчины был таким же тяжелым, как тьма, которая его окутывала. Низкий, тихий, но при этом отчетливее, чем пистолетный выстрел.

Сердце Фелисити колотилось все сильнее.

– А я думаю, именно это вы и хотите сделать. – Серебряный наконечник снова стукнул, и она раздраженно посмотрела на него. – А еще я думаю, что вам следует уйти прежде, чем я решу, что вместо страха мне следует испытывать гнев.

Пауза. *Тук-тук.*

А затем он шевельнулся, подавшись к кругу света, и она разглядела длинные ноги и высокую черную шляпу на одном бедре. Перчаток на руках не было, в пламени свечи блеснули три серебряных кольца – на большом, указательном и безымянном пальцах правой руки. Чер-

ное пальто безупречно обтягивало его плечи. Круг света остановился на подбородке, остром и чисто выбритом. Фелисити подняла свечу еще выше и увидела его.

Она резко втянула в себя воздух, не к месту вспомнив, как чуть раньше сочла красивым герцога Марвика. Больше она так не думала.

Потому что, конечно же, на свете не могло быть мужчины красивее этого. Он выглядел в точности так, как звучал его голос. Как низкий, звучный рокот. Как соблазн. Как грех.

Одна сторона его лица оставалась в тени, но та сторона, которую она видела – о, та была великолепна! Длинное, худощавое лицо, все состоящее из острых углов и затененных впадин, темные, раскинутые, как крылья, брови, полные губы, умные блестящие глаза (Фелисити могла поспорить на что угодно, что своими знаниями он никогда ни с кем не делился) и нос, посрамивший бы любого короля – безупречно прямой, словно созданный при помощи острого, уверенного клинка.

Волосы темные, коротко постриженные – настолько коротко, что угадывалась форма его головы.

– Ваша голова безупречна.

Он самодовольно усмехнулся.

– Я всегда так думал.

Фелисити опустила свечу, отправив его обратно в темноту.

– Я имею в виду – безупречной формы. Как вам удается подстригать волосы так близко к коже?

Он поколебался прежде, чем ответить.

– Это делает женщина, которой я доверяю.

При этом неожиданном ответе ее брови взлетели вверх.

– Она знает, что вы тут?

– Нет, не знает.

– Ну, поскольку она регулярно подносит лезвие к вашей голове, вам лучше уйти прежде, чем вы ее расстроите.

Послышался негромкий рокот, и у нее перехватило дыхание. Это что, смех?

– Я не уйду, пока вы не скажете мне, почему солгали.

Фелисити покачала головой.

– Как я уже сказала, сэ, в мои привычки не входят беседы с незнакомцами. Пожалуйста, уйдите. Тем же путем, каким вошли. – Она помолчала. – А как вы вошли?

– У вас есть балкон, Джульетта.

– А спальня моя на третьем этаже, не Ромео.

– И очень крепкие шпалеры.

Она услышала в его голосе ленивый смешок.

– Вы взобрались по шпалерам?

– Собственно говоря, да.

Она частенько воображала, как кто-нибудь однажды взберется по этим шпалерам. Только не преступник... а зачем он вообще здесь?

– В таком случае, эта трость не для того, чтобы помогать при передвижении.

– Не такого рода передвижении, верно.

– Это оружие?

– Все что угодно может стать оружием, если человек испытывает в нем необходимость.

– Превосходный совет, так как в моей комнате, похоже, находится злоумышленник.

Он неодобрительно поцокал языком.

– Вполне дружественный.

– О да, – фыркнула Фелисити. – Дружественный – как раз то самое слово, каким я бы вас описала.

– Если бы я собирался вас похитить и утащить в свое логово, то уже сделал бы это.

– У вас есть логово?

– Вообще-то, есть, но у меня нет ни малейшего намерения тащить вас туда. Во всяком случае, сегодня.

Она бы соврала, если бы сказала, что это уточнение не возбуждает.

– А значит, в будущем я могу спать спокойно, – сказала Фелисити.

Он засмеялся глухим негромким смехом, похожим на свет в этой комнате.

– Фелисити Фэрклот, вы совсем не такая, как я предполагал.

– Вы произнесли это так, словно сказали комплимент.

– Так и есть.

– И это останется комплиментом, когда я тресну вас подсвечником по голове?

– Вы не причините мне боль, – отозвался он.

Фелисити совсем не понравилось, как точно он понял, что она всего лишь храбрится.

– Вы кажетесь чересчур уверенным для человека, который совершенно меня не знает.

– Я знаю вас, Фелисити Фэрклот. Понял в ту секунду, как увидел на балконе запертой оранжереи Марвика. Единственное, чего я не знаю, какого цвета было ваше платье.

Она посмотрела на свое платье – цвета ее щек, модного в прошлом сезоне.

– Розовое.

– Не просто розовое, – произнес он голосом, полным обещания и еще чего-то, что ей не понравилось. – Оно цвета рассветного неба над Девонам.

Ей не понравилось, как эти слова заполнили ее, словно в один прекрасный день она увидит то небо и сразу же подумает об этом мужчине. Словно он мог оставить метку, которую она не сможет стереть.

– Ответьте на мой вопрос, и я уйду.

«Почему вы солгали?»

– Я его не помню.

– Конечно, помните. Зачем вы наврали тому сборищу неудачников?

Описание показалось настолько нелепым, что она едва не рассмеялась. Едва. Но он явно не считал его забавным.

– Не такие уж они неудачники.

– Они чванливые, испорченные аристократы, так высоко задравшие носы, что даже не догадываются, что мир быстро движется вперед, и очень скоро их место займут другие.

У нее отвалилась челюсть.

– Но вы Фелисити Фэрклот. – Он дважды стукнул тростью по сапогу. – Ваше место не займет никто. Поэтому я спрошу снова. Почему вы им наврали?

Потрясенная то ли его описанием, то ли прозаичным тоном, каким он все это проговорил, Фелисити ответила:

– Мое место никому не нужно. – Он ничего не сказал, и она поспешила заполнить тишину. – Я хочу сказать... мое место – это ничто. И находится нигде. Когда-то оно было рядом с ними, но с тех пор... – Она замолчала. Пожала плечами. – Я невидимка. – А затем, не сумев удержаться, негромко добавила: – Я хотела наказать их. И хотела, чтобы они взяли меня обратно.

Правда, заключающаяся в этих словах, была ей ненавистна. Может, ей следовало быть достаточно сильной, чтобы повернуться к ним спиной? Меньше об этом переживать?

Слабость, которую он заставил ее проявить, тоже была ненавистна.

И его она за это тоже ненавидела.

Теперь Фелисити ждала ответа из темноты. Это странно напоминало ей посещение Королевского энтомологического общества и увиденную там огромную бабочку, застывшую в янтаре. Прекрасную, изящную, безупречно сохранившуюся, но навеки замершую во времени.

Этот мужчина не захватит ее. Не сегодня.

– Думаю, я сейчас позову слугу, чтобы он вывел вас из дома. Вам следует знать, что мой отец маркиз, а входить в дом аристократа без разрешения незаконно.

– Незаконно входить без разрешения в любой дом, Фелисити Фэрклот, но позвольте сказать вам, что я в достаточной мере впечатлен титулом вашего отца – и брата тоже.

– И почему считается, что сегодня вру только я одна?

Повисла пауза, затем он произнес:

– Так вы признаете это.

– Почему нет? Завтра об этом будет знать весь Лондон. Фелисити Фэрклот с ее красавчиком женихом.

Это его не позабавило.

– Знаете, титул вашего отца смехотворен. И вашего брата тоже.

– Прошу прощения? – сказала она, не зная, что вообще сказать.

– Бамбл и Граут. Боже милостивый! Когда нищета в конце концов поймают их в ловушку, они всегда смогут стать аптекарями. Продавать микстуры и укрепляющие средства в Ламбете.

Он знает, что они обеднели. Неужели об этом знает весь Лондон?

Неужели она последняя, кто об этом узнал? Последняя, кому сказали, потому что семья хотела использовать ее, чтобы все исправить? При этой мысли снова вспыхнуло раздражение.

А незваный гость продолжал:

– И вы, Фелисити Фэрклот², девушка, чье имя непременно должно быть в книге сказок.

Она метнула на него сердитый взгляд.

– Меня так сильно интересует ваше мнение о наших именах!

Он не обратил внимания на этот резкий отпор.

– Принцесса из сказки, запертая в башне, отчаянно мечтает стать частью мира, загнавшего ее туда... мечтает быть принятой им.

Все в этом человеке нервировало, было странным и смутно бесившим.

– Вы мне не нравитесь.

– Нет, вам не нравится правда, маленькая вы врушка. Вам не нравится, что я вижу ваше глупое желание – добиться фальшивой дружбы от сборища манерных, надушенных аристократов, не понимающих, какая вы на самом деле.

Ей бы следовало на него злиться – он находился слишком близко, хоть его и скрывала тьма. И все-таки...

– И какая же я?

– Вдвое лучше, чем те шестеро.

Его ответ вызвал у нее легкий прилив удовольствия, и она почти позволила себе поверить этому мужчине, который (выпей она чуть больше шампанского, ее бы запросто в этом убедили) словно был создан из магии.

Но вместо этого Фелисити покачала головой и приняла надменный вид.

– *Будь* я принцессой, сэр, вас бы тут не было. – Она направилась к стене, снова собираясь дернуть за шнур.

– Разве не это всем особенно нравится? То место, где принцессу спасают из башни?

Фелисити оглянулась.

– Спасать должен принц. А не... кем бы вы ни были. – И потянулась к шнуру.

Он произнес прежде, чем она успела за него дернуть:

– А кто мотылек?

Охваченная стыдом девушка резко повернулась к нему лицом.

– Что?

---

² Faircloth (англ.) – дословно «прекрасное покрывало».

– Вы хотели быть пламенем, принцесса. А кто мотылек?

Щеки ее запылали. Она ни слова не сказала про мотыльков! Откуда он вообще знает, что она имела в виду?

– Вам не следовало подслушивать.

– Мне не следует находиться и в вашей темной спальне, милая, однако я тут.

Фелисити прищурилась.

– Надо полагать, вы не из тех людей, которые обращают внимание на правила.

– А вы заметили хоть раз на протяжении нашего знакомства, чтобы я им следовал?

Девушка почувствовала раздражение.

– Да кто вы такой? Почему притаились возле Марвик-Хауса, как какой-нибудь бесчестный... шпион?

Он ничуть не взволновался.

– Значит, я притаившийся шпион?

Похоже, этот человек, как и все в Лондоне, знал больше, чем она. Он знал все о полях сражений и умел вести войну. А она все это ненавидела.

Фелисити послала ему испепеляющий взгляд.

Никакого эффекта.

– Еще раз, милая. Если вы пламя, то кто же мотылек?

– Уж точно не вы, сэра.

– Какая жалость.

Оскорбительная дерзость этих слов ей тоже не понравилась.

– Меня мое решение более чем устраивает.

Он коротко хохотнул. Этот негромкий рокот делал с ней что-то странное.

– Сказать вам, что я думаю?

– Лучше не надо, – огрызнулась она.

– Думаю, что вашего мотылька заманить очень сложно. – Фелисити поджала губы, но ничего не сказала. – Однако я могу его для вас добыть. – У нее перехватило дыхание, а он упорно продолжал: – Того самого, которым вы похвастались половине Лондона, дескать, вы уже опалили ему крылышки.

Фелисити от души радовалась тому, что комната освещена так тускло – ведь он не видит ее пылающее лицо. Или ее потрясение. Или ее волнение. Неужели этот мужчина, каким-то образом сумевший в глухую ночь пробраться в ее спальню, сейчас говорит, что она не погубила ни свою жизнь, ни шансы семьи на то, чтобы выжить?

Надежда билась в ней, как обезумевший, испытывающий панику зверек.

– А вы *можете* его добыть?

Тут он засмеялся. Смехом низким, рокошущим и вряд ли веселым, от которого она снова затрепетала.

– Как котенка к блюдечку с молоком.

Фелисити нахмурилась.

– Не надо дразниться.

– Когда я начну вас дразнить, милая, вы это сразу поймете. – Он снова откинулся назад, скрестил ноги и начал постукивать по сапогу этой своей дьявольски раздражающей тростью. – Герцог Марвик может стать вашим, Фелисити Фэрклот. И Лондон никогда не узнает правду о вашей лжи.

Она дышала поверхностно, прерывисто.

– Это невозможно. – И все-таки почему-то верила ему.

– Разве на свете существует что-то, по-настоящему невозможное?

Она выдавила смешок.

– Помимо завидного жениха герцога, выбравшего меня среди всех женщин Британии?

Тук-тук. Тук-тук.

– Даже это возможно, старая, невзрачная, упрямая, конченная Фелисити Фэрклот. Это та часть в сказке, где принцесса получает все, о чем когда-либо мечтала.

Да только это не сказка. И этот человек не может дать ей то, чего она так хочет.

– Обычно эта часть начинается с какой-нибудь феи. А вы определенно не выглядите воздушным созданием.

Низкий рокочущий смех.

– Тут вы правы. Но помимо фей существуют и другие создания, иногда занимающиеся тем же ремеслом.

Ее сердце снова заколотилось, и Фелисити возненавидела безумную надежду на то, что странный человек из темноты сможет выполнить свое несбыточное обещание.

Это было настоящее сумасшествие, но она все же шагнула к нему, снова его осветив. Девушка подходила все ближе и ближе, в конце концов она остановилась там, где заканчивались его невозможно длинные ноги, где заканчивалась невозможно длинная прогулочная трость, и подняла свечу, еще раз вырвав из мрака его невозможно красивое лицо.

Да только на этот раз она увидела его целиком, и безупречная левая сторона совсем не походила на правую, где от виска до подбородка тянулся ужасный, грубый шрам, неровный и белый.

Она резко втянула в себя воздух, и он тотчас же отвернул лицо от света.

– Какая жалость. А мне так не терпелось услышать ваш нагоняй. Даже и не думал, что у вас так легко вызвать отвращение.

– О, вы не вызвали никакого отвращения. По правде сказать, я даже рада, что вы больше не самый безупречный мужчина, какого я когда-либо видела.

Он снова повернулся и мрачно уставился на нее.

– Рада?

– Конечно. Я никогда толком не понимала, что нужно делать с чрезмерно безупречными мужчинами.

Одна бровь взлетела вверх.

– Что с ними *делать*.

– Помимо очевидного.

Он склонил голову набок.

– Очевидного.

– Смотреть на них.

– А, – сказал он.

– В любом случае, теперь я чувствую себя куда лучше.

– Потому что я больше не безупречен?

– Вы все еще ужасно близки к этому, но теперь вы уже не самый красивый мужчина на свете, – солгала она.

– Я чувствую, что должен оскорбиться, но как-нибудь это переживу. Исключительно из любопытства – а кто узурпировал мой трон?

«Никто. Если уж на то пошло, шрам сделал тебя еще привлекательнее».

Но он не тот мужчина, которому можно сказать подобное.

– Строго говоря, он занимал трон до вас. Так что просто получил его обратно.

– Буду благодарен за имя, леди Фелисити.

– Как вы называли его раньше? Моим мотыльком?

Он застыл на мгновение – недостаточно долгое, чтобы это заметил обычный человек.

А вот Фелисити заметила.

– Я-то думала, вы этого ожидали, – насмешливо произнесла она. – С вашим-то предложением заполучить его для меня.

- Предложение остается в силе, хотя я не считаю герцога красивым. Вообще.
- Не вижу смысла спорить об этом. С эмпирической точки зрения он красавчик.
- Ммм, – протянул он, явно не убежденный. – Скажите, почему вы соврали?
- Скажите, почему вы так хотите помочь мне исправить это?

Он долгую минуту смотрел ей прямо в глаза.

- Вы поверите в то, что я добрый самаритянин?
- Нет. Что вы делали у дома Марвика во время бала? Что он для вас значит?

Незнакомец пожал плечом.

- Скажите, почему вы не верите, что он будет в восторге, став вашим женихом?

Девушка усмехнулась.

- Во-первых, он понятия не имеет, кто я такая.

Один уголок его рта дернулся, и Фелисити на мгновение задумалась, каково будет увидеть его полноценную улыбку.

Откинув эту безумную мысль, она добавила:

- И, как я уже говорила, чрезмерно красивым мужчинам до меня нет дела.
- Вы говорили не так, – поправил ее он. – Вы говорили, будто не знаете точно, что делать с чрезмерно красивыми мужчинами.

Она немного подумала.

- И то и другое – чистая правда.
- Почему вы считаете, будто Марвику нет до вас дела?

Она нахмурилась.

- Мне кажется, это очевидно.
- Вовсе нет.

Фелисити скрестила руки на груди, словно защищаясь.

- С вашей стороны грубо о таком спрашивать.
- С моей стороны грубо забираться по шпалерам и вторгаться в ваши комнаты.
- Тоже верно. – А затем, по причине, которую она так до конца и не поняла, Фелисити ответила на вопрос, позволив себе погрузиться в досаду, тревогу и очень реальное ощущение надвигающейся гибели. – Потому что я воплощение заурядности. Потому что я не красива, не занимательна, не выдающийся собеседник. И хотя когда-то было невозможно поверить, что я превращусь в старую деву, вот она я, и никто никогда меня по-настоящему не хотел. И я совершенно не жду, что это вдруг случится сейчас, с красавчиком герцогом.

Некоторое время незнакомец молчал, и ее смущение все усиливалось.

- Пожалуйста, уйдите, – добавила она.
- В разговоре со мной вы очень даже выдающаяся.

Фелисити предпочла не обращать внимание на то, что с остальными ее утверждениями он не спорил.

- Вы незнакомец в темноте. В темноте все всегда проще.
- Ничто не проще в темноте, – возразил он. – Но это не имеет значения. Вы ошибаетесь, и я здесь именно поэтому.

- Убедить меня, что я хорошая собеседница?

Сверкнули зубы, и он поднялся, мгновенно заполнив собой комнату. Фелисити трепетала, разглядывая его фигуру, невероятно высокую, с широкими плечами и узкими бедрами.

- Я могу дать вам то, чего вы хотите, Фелисити Фэрклот.

Она вздрогнула от обещания, прозвучавшего в его шепоте. Что это, страх? Или что-то другое?

Фелисити покачала головой.

- Вы не сможете. Никто не сможет.
- Вы хотите стать пламенем, – мягко произнес он.

Она покачала головой.

– Нет, не хочу.

– Конечно, хотите. Но это не все, верно? – Он сделал шаг к ней, и она учуяла его запах, теплый и дымный, словно он явился из какого-то запретного места. – Вы хотите всего. Весь мир, мужчину, деньги, власть. И еще кое-чего. – Он шагнул еще ближе, навис над ней, и ее окутало его головокружительным, искушающим теплом. – Чего-то большего. – Его голос понизился до шепота. – Чего-то тайного.

Фелисити сделалось жутко. Как ужасно, что этот незнакомец как будто видит ее насквозь. Ужасно, что ей хочется ему ответить.

– Больше, чем я могу получить.

– А кто вам это сказал, миледи? Кто сказал вам, что вы не можете иметь все это?

Ее взгляд упал на его руку, сжимающую длинными, сильными пальцами серебряный набалдашник прогулочной трости. Серебряное кольцо на указательном пальце подмигнуло ей. Она всматривалась в рисунок на серебре, пытаясь его разобрать. Ей показалось, что прошла вечность. Наконец, она все же подняла глаза на незнакомца.

– У вас есть имя?

– Дьявол.

Сердце ее пустилось вскачь – имя показалось нелепым и одновременно идеально ему подходившим.

– Это не настоящее ваше имя.

– До чего странно, сколько значения мы придаем именам, верно, Фелисити Фэрклот? Называйте меня, как пожелаете, но я человек, который может вам все это дать. Все, чего вы хотите.

Она ему не поверила. Разумеется. Ни единому слову.

– Почему я?

Он протянул к ней руку, и она знала, что должна отступить назад. Знала, что нельзя позволять ему прикоснуться к себе. Только не его пальцам!

Они пробежали по ее левой щеке. Щека теперь пылала, словно он перенес на нее свой шрам, свою метку, вещественное доказательство того, что он тут был.

Но ожог от прикосновения вовсе не причинял боль.

– А почему нет? – наконец ответил он.

Почему не она? Почему она не может получить то, что хочет? Почему бы ей не заключить сделку с этим дьяволом, что появился из ниоткуда и скоро исчезнет в никуда?

– Я хочу, чтобы мне не пришлось тогда солгать, – сказала Фелисити.

– Я не могу изменить прошлое. Только будущее. Но я могу сдержать свое обещание.

– Превратить солому в золото?

– А, так значит, мы все-таки находимся в сказке.

Его послушать, все было так просто... так возможно, словно он умел ночами совершать чудеса, не прикладывая к этому никаких усилий.

Разумеется, это полное безумие. Он не может изменить то, что она сказала. Произнесенную ею ложь, самую большую из всех возможных. Сегодня вечером для нее захлопнулись все двери, преградив ей путь ко всем мыслимым и немыслимым дорогам. Перекрыв будущее. Будущее ее семьи.

Снова вспомнилась беспомощность Артура. Отчаяние матери. Их общая обреченность. Невскрываемые замки.

А теперь этот человек... потрясает перед ней ключом.

– Это может стать правдой.

Его рука повернулась, жаром обдав щеку, подбородок, и на мгновение он *стал* волшебным королем.

– Сделать-то это просто. Но ведь это не все, чего вы хотите, верно?

Откуда он знает?

От его прикосновения по ее горлу растекаясь огонь, а его пальцы уже ласкали плечо.

– Расскажите мне все остальное, Фелисити Фэрклот. Чего еще желает принцесса в башне?

Весь мир у ее ног, и семья снова разбогатеет, и...

Его голос затих, но слова словно повисли в воздухе, заполнив собой пространство. И тут у нее вырвался ответ:

– Я хочу, чтобы он был мотыльком. – Дьявол убрал руку с ее плеча, и она остро ощутила потерю. – Я хочу быть пламенем.

Он кивнул. Губы его изогнулись в улыбке, манящей, как сам грех, и без того темные глаза еще сильнее потемнели, и она подумала, что смогла бы хоть немного выйти из-под его влияния, если бы разглядела, какого они цвета.

– Вы хотите соблазном привлечь его к себе.

Вспыхнуло воспоминание – муж, отчаянно желающий свою жену. Мужчина, отчаянно желающий свою любовь. Страсть, которую нельзя отрицать – к женщине, обладающей бесконечной властью.

– Хочу.

– Будьте осторожны с соблазнами, миледи. Это опасное предложение.

– Вы говорите так, словно сами все это испытали.

– Потому что испытал.

– К вашей цирюльнице? – Кто эта женщина – его жена? Любовница? Любовь? И почему Фелисити это волнует?

– Страсть – вещь обоюдоострая.

– Совсем не обязательно, – ответила она, внезапно почувствовав себя невероятно легко и уютно рядом с этим мужчиной, которого совсем не знала. – Я надеюсь в конце концов полюбить своего мужа, но не обязательно должна быть полностью поглощена им.

– Вы хотите, чтобы поглощены были вами.

Она хочет, чтобы ее хотели. Просто так, без причины. Она хочет, чтобы ее страстно жаждали.

– Вы хотите, чтобы он влетел в ваше пламя.

«Невозможно».

Она ответила:

– Когда звезды не обращают на тебя внимания, ты гадаешь, сумеешь ли когда-нибудь заплыть ярко. – Мгновенно смутившись, Фелисити отвернулась, оборвав чары. Кашлянула. – Это не имеет значения. Вы не можете изменить прошлое. Не можете стереть мою ложь и обернуть ее правдой. Не можете заставить его хотеть меня. Даже если вы и впрямь дьявол. Это невозможно.

– Бедная Фелисити Фэрклот так озабочена тем, что невозможно.

– Это было *вранье*, – повторила она. – Я с герцогом даже *не знакома*.

– А вот вам правда... герцог Марвик не будет отрицать ваше заявление.

Невозможно. И все-таки какая-то крохотная ее часть надеялась, что он прав. Если так, она еще может их всех спасти.

– Как?

Он усмехнулся.

– Магия дьявола.

Фелисити вскинула бровь.

– Если вы сможете это сделать, сэр, то заслужите свое глупое прозвище.

– Большинство находят мое имя выбивающим из колеи.

– Я не большинство.

– А вот это, Фелисити Фэрклот, чистая правда.

Ей не понравилось тепло, разлившееся по ее телу при этих словах, так что она его проигнорировала.

– И вы сделаете это исключительно по доброте душевной? Простите, если я не поверю в это, *Дьявол*.

Он чуть склонил голову.

– Разумеется, нет. В моем сердце нет ни капли доброты. Когда все свершится и вы его завоюете – и разум его, и сердце, – я приду и возьму свою плату.

– Полагаю, это то место в сказке, где вы сообщаете мне, что платой является мой первенец?

Он засмеялся. Низким, таинственным смехом, словно она сказала нечто куда более забавное, чем ей кажется. А затем произнес:

– А что мне делать с мяукающим младенцем?

Ее губы дернулись.

– Мне нечего вам дать.

Он долгую минуту смотрел на нее.

– Вы недооцениваете себя.

– У моей семьи нет денег, чтобы расплатиться с вами, – проговорила она. – Вы сами это сказали.

– Если бы деньги были, вы бы не оказались в этом затруднительном положении, верно?

Фелисити сердито нахмурилась, очень уж прозаично это прозвучало. Ее снова охватила беспомощность.

– Откуда вы знаете?

– Что граф Граут и маркиз Бамбл потеряли целое состояние? Милая, об этом известно всему Лондону. Даже тем из нас, кто не был приглашен на бал к Марвику.

Она насупилась.

– Я вот не знала.

– До тех пор, пока им не потребовалось, чтобы вы узнали.

– Даже тогда, – проворчала девушка. – Я узнала слишком поздно, когда уже ничего не могла сделать.

Он дважды ударил тростью в пол.

– Но я-то здесь, разве нет?

Она прищурилась.

– За плату.

– Все имеет свою цену, милая.

– Надо полагать, вы свою уже знаете.

– Безусловно.

– И какова она?

Он лукаво усмехнулся.

– Если я вам скажу, будет неинтересно.

Ее охватил трепет, по телу побежали мурашки – сначала по плечам, затем по позвоночнику. Это было теплое и возбуждающее ощущение. Пугающее и полное надежды. Какова цена комфорта и безопасности ее семьи? Какова цена ее собственной репутации – пусть чудачки, но не лгуны?

И какова цена мужа, ничего не знающего о ее прошлом?

Почему не заключить сделку с этим дьяволом?

Ответ пришел сам. Это было обещание чего-то опасного. Искушение. Но прежде всего нужны гарантии.

– *Если я соглашусь...*

Снова эта усмешка, словно перед ней кот, поймавший канарейку.

– Если я соглашусь, – насупившись, повторила она. – Он не будет отрицать помолвку?

Дьявол склонил голову.

– Никто никогда не узнает о вашей выдумке, Фелисити.

– И он меня захочет?

– Как воздух, – сказал он. Его слова прозвучали дивным обещанием.

Это невозможно. Этот человек никакой не дьявол. Да если бы и был, даже сам Господь не сможет стереть события вечера и заставить герцога Марвика жениться на ней.

«Но что, если он сможет?»

Все сделки – вещи обоюдоострые, а этот человек кажется ей куда более волнующим, чем большинство других.

Может быть, если с обещанной им невероятной страстью ничего не выйдет, она сумеет получить что-нибудь другое? Фелисити посмотрела ему в глаза.

– А если вы не сможете этого сделать? Получу ли я от вас какую-нибудь услугу или любезность?

Он некоторое время помолчал, затем произнес:

– Вы уверены, что желаете получить услугу от Дьявола?

– Мне кажется, она будет куда более полезной, чем от кого-нибудь исключительно порядочного, – заметила Фелисити.

Бровь над шрамом удивленно приподнялась.

– Справедливо. Если я потерплю неудачу, вы можете потребовать от меня услугу.

Она кивнула и протянула руку, чтобы скрепить сделку рукопожатием, и пожалела об этом в ту же секунду, как его большая ладонь коснулась ее. Она была теплой, крупной и грубой, что предполагало работу, не имеющую отношения к той, которую выполняют вежливые джентльмены.

Она была восхитительной, и Фелисити немедленно отпустила его руку.

– Вам не стоило соглашаться, – добавил он.

– Почему?

– Потому что из соглашений, заключенных в темноте, никогда не выходит ничего хорошего. – Он сунул руку в карман и вытащил визитную карточку. – Увидимся через две ночи, если я не потребуюсь вам раньше. – Он бросил карточку на маленький столик рядом с креслом, которое, как подумалось Фелисити, теперь всегда будет считаться *его* креслом. – Заприте за мной дверь. Совсем не нужно, чтобы в вашу комнату ворвался какой-нибудь бесчестный тип, пока вы спите.

– Сегодня замки не уберегли мою комнату от бесчестного типа.

Уголок его рта приподнялся.

– Вы не единственный человек в Лондоне, умеющий вскрывать дверные замки, голубка.

Она вспыхнула. Он прикоснулся к своей шляпе и вышел через балконную дверь прежде, чем она начала отрицать свое умение отпирать замки. Лишь серебряный набалдашник его трости блеснул в лунном свете.

К тому времени, как девушка выбежала на балкон, он уже исчез, похищенный ночью.

Она вернулась в комнату и заперла дверь. Взгляд ее упал на оставленную визитку.

Взяв ее, Фелисити некоторое время рассматривала единственную букву: Б

На обратной стороне карточки был написан адрес (она никогда не слышала о такой улице), а под ним тем же мужским почерком:

«Добро пожаловать. Дьявол».

Глава шестая

Два вечера спустя, когда последние солнечные лучи растворились в темноте, Бесперчаточники пробирались по грязным улицам самой дальней части Ковент-Гардена. Район знаменитых таверн и театров остался позади. Путь братьев лежал через славившиеся преступностью трущобы.

Ковент-Гарден представлял собой лабиринт узких, запутанных улочек, извивающихся и заворачивающих в самих себя, так что несведущий прохожий раньше или позже попадался в эту паутину и не мог из нее выбраться. Единственный неверный поворот после того, как вышел из театра, и богатенький франт лишился своего кошелька, а сам оказывался в сточной канаве – а то с ним случалось и кое-что похуже. Улицы, что вели в трущобы Гардена, не отличались добротой к прохожим, в особенности к приличным джентльменам, одетым в еще более приличные костюмы. Но Дьявол и Уит не были приличными, и джентльменами тоже не являлись, и все до единого тут знали, что лучше не перечить Бесперчаточникам, невзирая на то во что они одеты.

Более того, здесь перед братьями благоговели, ведь они сами вышли из трущоб, дрались, воровали и спали в грязи, а какой же бедняк не любит богача, который начинал жизнь так же, как и он сам. К тому же большая часть бизнеса Бесперчаточников проворачивалась тут, в этих самых трущобах, где на них работали сильные мужчины и умные женщины, а славные мальчишки и умненькие девочки высматривали тех, кто казался здесь неуместным, и тут же сообщали о своих наблюдениях, получая за труды золотую крону.

Здесь на крону можно было целый месяц кормить семью, а Бесперчаточники тратили деньги не жалея, благодаря чему они сами (и их бизнес) делались неприкосновенными.

– Мистер Зверь. – Дергающая Уита за брючину маленькая девочка так называла всех, кроме своих братишек и сестреночек. – Оно тут! Когда нам снова дадут лимонного мороженого?

Уит остановился, присел на корточки и заговорил голосом, хриплым от долгого молчания, с сильным акцентом времен своей юности, который проявлялся у него только здесь:

– Слушай сюда, малявка. О мороженом мы на улице не разговариваем.

Ярко-голубые глаза девочки широко распахнулись.

Уит взъерошил ей волосы.

– Секреты нужно хранить, а свое лимонное ты получишь, не бойся. – Девочка расплылась в улыбке, и стало заметно, что недавно у нее выпал зуб. Уит развернул ее в нужном направлении. – Беги найди маму. Скажи, я приду за постиранным бельем, когда управлюсь на складе.

Девочка исчезла как пуля.

Братья зашагали дальше.

– Хорошо, что ты отдаешь стирку Мэри, – сказал Дьявол.

Уит что-то буркнул в ответ.

Здесь трущобы были одними из немногих в Лондоне, где имелся коммунальный водопровод с чистой водой – потому что об этом позаботились Бесперчаточники. Кроме того, они обеспечили этот район хирургом, священником и школой, где малыши могли научиться читать прежде, чем выйдут на улицы и начнут искать работу.

Но Бесперчаточники не могли дать людям все, да и в любом случае жившие здесь бедняки были слишком горды, чтобы брать подачки.

Поэтому Бесперчаточники старались нанять на работу как можно больше людей – старых и молодых, сильных и умных, мужчин и женщин со всего мира, как лондонцев, так и северян, шотландцев, валлийцев, африканцев, индийцев, испанцев, американцев. Если они добирались до Ковент-Гардена и могли работать, Бесперчаточники обеспечивали им место на одном из своих многочисленных деловых предприятий. Таверны и бойцовские ринги, мясные лавки и

пирожковые, дубильни и красильни – и еще с полдюжины заведений, раскиданных по окрестностям.

Если бы одного того, что Дьявол и Уит выросли в этой же навозной жиже, было недостаточно, то работа, которую они давали всем желающим (за приличную плату и в безопасных условиях), обеспечила бы им преданность обитателей трущоб. Это то, чего не понимали о трущобах другие бизнесмены, не задумывавшиеся о том, что на голодное брюхо много не наработаешь.

Склад, которым владели братья, был расположен в дальнем конце этого района. Когда-то в этом помещении производили деготь, но затем построившая его компания ушла отсюда, обнаружив, что окрестные жители не испытывают к ним никакой симпатии и воруют все, что не охраняется.

Однако ничего подобного не происходит, когда хозяева нанимают на работу двести местных жителей.

Войдя в здание, которое теперь служило централизованным складом всех деловых предприятий Бесперчаточников, Дьявол кивнул полдюжине мужчин, бродивших в темном помещении, охраняя ящики со спиртным и сладостями, кожей и шерстью, – если Корона облагала какой-то товар налогом, Бесперчаточники продавали его, причем дешево.

И никто у них ничего не крал, в том числе и из страха перед возмездием, которое сулило прозвище братьев, полученное ими много лет назад, когда они были моложе, на несколько стоунов легче и куда быстрее и сильнее отвоевывали на кулаках сферу влияния, не проявляя к противнику ни капли милосердия.

Дьявол подошел поздороваться к крепкому, представительному мужчине, главному среди охранников.

– Все в порядке, Джон?

– Все в порядке, сэр.

– Младенец уже родился?

На мужественном загорелом лице появилась гордая белозубая улыбка.

– На той неделе. Мальчик. Крепкий, как его папочка.

Эта улыбка озарила тускло освещенное помещение, словно солнечный луч. Дьявол хлопнул мужчину по плечу.

– Я в этом и не сомневался. А как жена?

– Здорова, слава богу. И слишком хороша для меня.

Дьявол кивнул и понизил голос:

– Все они такие, старина. Лучше, чем все мы, вместе взятые.

Джон засмеялся, а Дьявол повернулся и увидел Уита, стоявшего рядом с Ник, старшиной склада, молодой женщиной (ей едва исполнилось двадцать), обладавшей такими умом и способностью к организации, каких Дьявол никогда ни в ком не встречал. Тяжелое пальто, шляпа и перчатки скрывали ее почти полностью, а тусклый свет довершал начатое одеждой. Она протянула руку подошедшему Дьяволу.

– Ну, так что тут у нас, Ник? – спросил он.

Белокурая норвежка осмотрелась и махнула рукой в дальний угол склада, где охранник уже открыл дверь, за которой виднелась огромная черная пропасть.

Дьявол ощутил укол беспокойства и повернулся к брату.

– После тебя.

Жестом руки Уит сказал больше, чем мог бы словами, но затем пригнулся и без колебаний исчез в темноте. Дьявол вошел следом и протянул назад руку, чтобы взять у Ник незажженный фонарь. Последней вошла она, взглянув на охранника только для того, чтобы сказать:

– Закрой за нами.

Охранник тут же выполнил приказ. Дьявол не сомневался, что чернота этой пещероподобной пропасти может сравниться только с чернотой смерти. Он изо всех сил старался дышать ровно. Не вспоминать.

– Проклятье, – прорычал в темноте Уит. – Свет!

– Он у тебя, Дьявол. – Ник говорила с сильным скандинавским акцентом.

Господи! Он и забыл, что держит фонарь. Дьявол нащупал дверцу, причем из-за нервного напряжения времени на это ушло больше, чем обычно. Но в конце концов он все же справился с кремнем, и благословенный свет зажегся.

– А теперь быстро. – Ник забрала у него фонарь и возглавила шествие. – Нам лучше не нагревать воздух сильнее, чем это необходимо.

В глубь черного, как деготь, помещения тянулся длинный, узкий проход. Дьявол шел вслед за Ник. Где-то на половине коридора воздух начал свежеть и холодеть. Ник повернулась и сказала:

– Пожалуйста, пальто и шляпы.

Дьявол запахнул пальто и тщательно его застегнул. Уит сделал то же самое и надвинул шляпу пониже на лоб.

В конце коридора Ник извлекла откуда-то кольцо с железными ключами и начала отпирать замки, вытянувшиеся в длинный ряд на тяжелой металлической двери. Когда все замки были отперты, она распахнула дверь и приступила ко второму ряду замков на двери внутренней – в общей сложности их оказалось двенадцать. Прежде, чем открыть эту дверь, она обернулась.

– Входим быстро. Чем дольше дверь остается открытой...

Уит что-то буркнул, оборвав ее.

– Мой брат хочет сказать, – произнес Дьявол, – что мы заполняем это хранилище дольше, чем ты живешь на свете, Анника.

Услышав свое полное имя, она прищурилась, но дверь отворила.

– Ну так заходите.

Оказавшись внутри, Ник плотно захлопнула дверь, и они снова погрузились в темноту, но тут девушка повернулась и высоко подняла фонарь, осветив огромное, похожее на пещеру помещение, заполненное глыбами льда.

– Сколько сохранилось?

– Сто тонн.

Дьявол негромко присвистнул.

– Мы потеряли тридцать пять процентов?

– Сейчас май, – объяснила Ник, стягивая шарф с нижней половины лица, чтобы ее услышали. – Океан теплеет.

– А остальной груз?

– Все учтено. – Она вытащила из кармана накладную. – Шестьдесят восемь бочонков бренди, сорок три бочонка американского бурбона, двадцать четыре упаковки шелка, двадцать четыре ящика игральные карт, шестнадцать шкатулок игральные кости. Кроме того, коробка пудры для лица и три ящика французских париков, которых нет в списке и которые я намерена проигнорировать, если вы не пожелаете доставить их в обычное место.

– Прекрасно, – сказал Дьявол. – От таяния льда ничто не пострадало?

– Нет. Все отлично упаковано и хранится в другом конце склада.

Уит буркнул что-то одобрителное.

– Благодаря тебе, Ник, – сказал Дьявол.

Она не стала скрывать улыбку.

– Норвежцы всегда остаются норвежцами. – Она помолчала. – Но есть кое-какая странность.

На ее лицо уставились две пары темных глаз.

– В доках был наблюдатель.

Братья переглянулись. Хотя никто не решался воровать у Бесперчаточников в трущобах, сухопутные караваны братьев за последние два месяца дважды пострадали – были ограблены под угрозой применения оружия, едва вышли из безопасной зоны Ковент-Гардена. Подобное являлось частью их бизнеса, но Дьяволу совсем не нравился такой скачок.

– Что за наблюдатель?

Ник склонила голову набок.

– Не могу сказать точно.

– Попробуй, – велел Уит.

– Если судить по одежде, то из портовых конкурентов.

Это представлялось логичным. Множество контрабандистов работали с французами и американцами, хотя ни у кого не было такого безупречного способа импорта.

– Но?

Она сжала губы в тонкую линию.

– Сапоги чертовски чистые для парня из Чипсайда.

– Корона?

При занятии контрабандой всегда имелся такой риск.

– Возможно, – сказала Ник, но уверенности в ее голосе не слышалось.

– Ящики? – спросил Уит.

– Никогда не видны. Лед перевозится на плоских конских повозках, ящики надежно спрятаны внутри. И никто из наших людей не видел ничего необычного.

Дьявол кивнул.

– Товар останется тут на неделю. Никому не входить и не выходить. Передай мальчишкам на улицах, пусть присматриваются, не увидят ли кого-нибудь необычного.

Ник кивнула.

– Уже сделано.

Уит пнул глыбу льда.

– А упаковка?

– Чистая. Для продажи вполне подойдет.

– Пусть все лавки в районе, торгующие требухой, получают сегодня же вечером понемногу. Никто не будет есть протухшее мясо, если у нас тут лежат тонны льда. – Дьявол помолчал. – А Зверь пообещал детям лимонное мороженое.

Брови Ник взлетели вверх.

– Какой добрый поступок.

– Все так говорят, – сухим, как песок, голосом произнес Дьявол. – О, этот Зверь, он такой добрый!

– Ты собираешься им и лимонного сиропа намешать, Зверь? – усмехнувшись, спросила Ник.

Уит что-то пробурчал.

Дьявол захохотал и хлопнул ладонью по льду.

– Отправь один кусок в контору, хорошо?

Ник кивнула.

– Уже. И ящик бурбона из колоний.

– Ты хорошо меня знаешь. А теперь мне нужно возвращаться.

После блужданий по трущобам ему придется принять ванну. Его ждут дела на Бонд-стрит.

А еще у него есть дельце с Фелисити Фэрклот.

Фелисити Фэрклот, чья кожа в отсветах пламени свечи становится золотистой, чьи карие глаза, большие и умные, полны страха, огня и ярости. И она способна вести словесную дуэль как никто другой, с кем он встречался на своей памяти.

Он хотел устроить еще один такой словесный поединок.

Дьявол откашлялся, прочищая горло, повернулся и посмотрел на Уита, наблюдавшего за ним с понимающим выражением лица.

Дьявол проигнорировал этот взгляд, поплотнее закутавшись в пальто.

– Что? Тут чертовски холодно, я замерз.

– Это ты решил иметь дело со льдом, – сказала Ник.

– Плохой план, – произнес Уит, глядя прямо на него.

– Ну, менять его уже немного поздно. Можно сказать, – с ухмылкой добавила Ник, – корабль уже отплыл.

Дьявол с Уитом даже не улыбнулись, услышав эту глупую шутку. Она не поняла, что Уит говорил вовсе не про лед; он говорил про девушку.

Дьявол круто повернулся и направился к двери хранилища.

– Идем же, Ник, – сказал он. – Неси свет.

Она послушалась, и все трое вышли. Дьявол старательно избегал пронизательного взгляда Уита, пока Ник запирала двойные стальные двери и выводила их из тьмы обратно на склад.

Он продолжал избегать взгляда брата и позже, когда они забрали выстиранное белье Уита и, прокладывая путь по булыжным мостовым, направились назад, в самое сердце Ковент-Гардена, к своим конторам и жилищам, расположенным в громадном здании на Эйм-стрит.

Примерно через четверть часа безмолвной прогулки Уит сказал:

– Ты устроил для девушки западню.

Дьяволу не понравился намек, прозвучавший в этой фразе.

– Я устроил западню для них обоих.

– Ты все еще намерен соблазнить девицу, буквально вытащив ее из-под него.

– Ее, и каждую, что появится после нее, если потребуется, – отозвался Дьявол. – Он самонадеян, как всегда, Зверь. Рассчитывает получить наследника.

Уит покачал головой.

– Нет, он рассчитывает получить Грейс. Думает, мы отдадим ее, чтобы помешать ему состругать нового герцога с этой девицей.

– Он ошибается. Не получит он ни Грейс, ни эту девушку.

– Вы, словно две кареты, мчащиеся друг на друга, – прорычал Уит.

– Он свернет.

Брат посмотрел ему прямо в глаза.

– До сих пор не сворачивал.

Мелькнуло воспоминание. Эван, высокий и худощавый, кулаки подняты, глаза опухли, губа разбита, но сдаваться он отказывается. Не желает отступить. Отчаянно жаждет победить.

– Это не одно и то же. Тогда мы голодали дольше. Работали тяжелее. Герцогство смягчило его.

Уит буркнул:

– А Грейс?

– Он ее не нашел. И никогда не найдет.

– Надо было его убить.

Убийство заставило бы весь Лондон наброситься на них и раздавить.

– Слишком рискованно. И ты это знаешь.

– Да. И мы дали Грейс обещание.

Дьявол кивнул.

– Вот именно.

– Его возвращение – угроза для всех нас, особенно для Грейс.

– Нет, – сказал Дьявол. – Его возвращение – особая угроза для него самого. Только вспомни – если кто-нибудь узнает, что он сделал... как получил титул... он запляшет в петле. Как предавший Корону.

Уит покачал головой.

– А что, если он готов рискнуть ради нее?

Ради Грейс, девушки, которую он когда-то любил. Девушки, чье будущее украл. Девушки, которую давно бы уничтожил, если бы не Дьявол с Уитом.

– Значит, он жертвует всем, – ответил Дьявол. – И не получит ничего.

Уит кивнул.

– Даже наследников.

– Никаких наследников.

Затем добавил:

– Всегда остается основной план. Отколошматим герцога. Отправим его домой.

– Это не помешает его женитьбе. Не теперь, когда он думает, что вот-вот отыщет Грейс.

Уит стиснул кулак, черная кожа перчатки затрещала.

– Зато будет невероятно забавно. – Они несколько минут шагали молча, затем Уит добавил: – Бедная девочка, она даже не догадывается, что невинная ложь приведет ее в твою постель.

Разумеется, это была всего лишь фигура речи. Но картинка все равно возникла, и Дьявол ничего не смог с этим поделать – Фелисити Фэрклот с ее темными волосами и розовыми юбками, распростертая перед ним. Умная, красивая, и с губами, навещающими на мысль о грехе.

Обесчестить эту девушку доставит ему огромное удовольствие.

Он проигнорировал тоненькую ниточку вины, прошившую его насквозь. Здесь нет места для чувства вины.

– Она будет не первой обесчещенной девушкой. Я подброшу денег ее папаше. И брату тоже. Они бухнутя передо мной на колени и зарыдают от благодарности за свое спасение.

– Какой ты добрый, – сухо отозвался Уит. – А как насчет спасения девицы? Это невозможно. Она будет не просто обесчещена. Она будет сослана навеки.

«Я хочу, чтобы они позвали меня обратно».

Все, чего Фелисити Фэрклот хотела, – возвращения в тот мир. Но она никогда этого не добьется. Даже теперь, когда он дал обещание ей помочь.

– Она вольна выбрать себе следующего мужа.

– А что, аристократы стоят в очереди, чтобы заполучить обесчещенную старую деву?

В душе возникло неприятное чувство.

– Пусть выбирает из неаристократов.

Короткая пауза. Затем:

– Кого-нибудь вроде тебя?

Господи Иисусе! Нет. Мужчины вроде него настолько недостойны Фелисити Фэрклот, что сама идея смехотворна.

Не дождавшись ответа, Уит проворчал:

– Грейс не должна узнать.

– Разумеется, – ответил Дьявол. – И никогда не узнает.

– Она не сможет остаться в стороне от всего этого.

Дьявол никогда так не радовался при виде двери своей конторы. Подойдя к ней, он вытащил ключ, но прежде чем успел отпереть замок, в двери открылось и снова закрылось маленькое окошечко. Затем дверь распахнулась, и они вошли внутрь.

– Наконец-то, черт возьми.

Взгляд Дьявола метнулся к высокой рыжеволосой женщине, закрывшей за ними дверь и теперь стоявшей, прислонившись к ней и уперев руку в бок, словно она ждала тут целую вечность. Он с каменным лицом перевел взгляд на Уита. Темные глаза брата смотрели совершенно спокойно.

«Грейс не должна узнать».

– Что случилось? – спросила их сестра, переводя взгляд с одного на другого.

– Что случилось с чем? – уточнил Дьявол, снимая шляпу.

– Вы выглядите в точности как в детстве, когда собрались драться, ничего не сказав мне.

– Это была хорошая идея.

– Это была дерьмовая идея, как тебе хорошо известно. Вам повезло, что вас не убили в первую же ночь, ведь вы тогда были совсем малышами. Вам повезло, что я успела добраться до ринга. – Она качнулась назад на каблуках и сложила руки на груди. – Так что случилось сейчас?

Дьявол пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Ты вернулась после своей первой ночи со сломанным носом.

Она ухмыльнулась.

– Мне нравится думать, что та стычка придала мне храбрости.

– Что-то она тебе, безусловно, придала.

Грейс фыркнула и продолжила:

– Я должна сказать вам три вещи, а затем мне есть чем заняться, джентльмены. Я не могу слоняться тут без дела, дожидаясь, когда вы двое вернетесь.

– Никто тебя не просил нас дожидаться, – сказал Дьявол, проходя мимо своей надменной сестры в темный просторный коридор и дальше – к черной лестнице, ведущей в их квартиру.

Тем не менее она пошла следом.

– Во-первых, это для тебя, – сказала она Уиту, протягивая ему лист бумаги. – На сегодня назначены три боя, каждый через полтора часа после предыдущего и в новом месте. Первые два честные, третий будет грязный. Адреса здесь, парни уже готовы принимать ставки.

Уит согласно буркнул что-то, и Грейс продолжила:

– Во-вторых, Колхаун хочет знать, где его бурбон. Говорит, если нам так трудно его раздобыть, то он найдет для такой работы какого-нибудь своего соотечественника. Право же, есть ли на свете кто-нибудь высокомернее американцев?

– Передай ему, что товар уже здесь, но пока перевозить его нельзя, так что или пусть ждет столько же, сколько все мы, или он волен подождать еще два месяца, которые потребуются, чтобы дождаться нового заказа из Штатов.

Она кивнула.

– Думаю, то же самое касается и поставки в «Падший Ангел»?

– И всех остальных, кто ждет товар из этой партии.

Грейс прищурилась, глядя на них.

– За нами следят?

– Ник думает, такая вероятность существует.

Сестра на минутку поджала губы, затем сказала:

– Если так думает Ник, скорее всего, это правда. Что плавно подводит нас к третьему: мои парики прибыли?

– Вместе с таким количеством пудры, какое ты никогда не сумеешь использовать.

Она усмехнулась.

– Все же девушка может попытаться, верно?

– Наши перевозчики предназначены не для того, чтобы стать твоими личными выучными мулами.

– О, но мои личные заказы, во-первых, вполне законны, а во-вторых, не требуют уплаты налогов, братишка, так что получение мной трех ящиков париков не является самым ужас-

ным событием на свете. – Она протянула руку и погладила Дьявола по коротко остриженной голове. – Может, ты и сам захочешь один... тебе не мешает чуть больше волос.

Он оттолкнул руку сестры.

– Не будь мы кровными...

Она ухмыльнулась.

– Собственно говоря, мы не кровные.

Там, где это имело значение, они кровными были.

– И все-таки я почему-то терплю тебя.

Грейс чуть подалась к нему.

– Потому что я зарабатываю деньги для твоих оболтусов. – Уит что-то буркнул, и Грейс засмеялась. – Видишь? Зверь знает.

Уит скрылся в комнате, расположенной в другой стороне коридора, а Дьявол вытащил из кармана ключ и вставил его в замочную скважину своей двери.

– Что-нибудь еще?

– Ну, знаешь ли, мог бы пригласить сестру выпить. Насколько я тебя знаю, ты нашел способ, как доставить *твой* бурбон вовремя.

– Мне казалось, у тебя еще есть дела.

Она пожала плечом.

– Клэр справится, пока я не вернусь.

– От меня воняет трущобами, и я должен кое-куда уйти.

Она резко свела брови.

– Куда?

– Не делай вид, будто мне нечем заняться вечерами.

– Между закатом и полночью? Нечем.

– Это неправда. – В некотором роде это было чистой правдой. Он повернул ключ в замке, оглянулся на сестру и открыл дверь. – В общем, оставь меня в покое.

Как бы Грейс ни собиралась отреагировать – а Господь свидетель, у нее всегда имелся подходящий ответ, – слова застыли у нее на губах, когда она глянула в комнату поверх плеча брата. Ее голубые глаза распахнулись достаточно широко, чтобы Дьявол забеспокоился. Он медленно повернулся, каким-то образом точно зная (хотя это и было невозможно), что сейчас увидит.

Кого он сейчас увидит.

Леди Фелисити Фэрклот стояла у окна в дальнем конце комнаты с таким видом, будто тут ей самое место.

Глава седьмая

С ним женщина.

Из всех вероятностей, которые представляла себе Фелисити (а их было много), когда, притворившись больной, в сумерках тайком выбралась из дома и остановила кеб, чтобы доехать до таинственного места, название которого было нацарапано на обратной стороне его визитной карточки, появления женщины она не ожидала.

Высокая, эффектная женщина, безусловно накрашенная, с волосами, напоминающими закат, в пышной многоярусной юбке цвета аметиста и декоративном корсете богатейшего темно-лилового оттенка, подобного которому Фелисити и не видела никогда. Женщину нельзя было назвать красавицей, но она смотрела гордо и с достоинством и была ошеломительно... ошеломительной.

Она принадлежала к тому типу женщин, в представительниц которого безумно влюбляются все мужчины, тут нет ни малейших сомнений.

Это была именно такая женщина, какой так часто мечтала быть Фелисити.

«Неужели Дьявол безумно в нее влюблен?»

Фелисити в жизни так не радовалась тому, что находится в тускло освещенной комнате. Щеки ее от паники пылали, и она всей душой жаждала сбежать отсюда. Однако мужчина, называющий себя Дьяволом, и его спутница загораживали единственный выход из комнаты – оставалось разве только в окно выпрыгнуть.

Девушка обернулась, посмотрела в темнеющее окно, оценивая расстояние до мостовой внизу.

– Слишком высоко для прыжка, – произнес Дьявол, словно прочитав ее мысли.

Она снова повернулась к нему, собираясь с силами.

– Уверены?

Женщина засмеялась и сказала:

– Абсолютно. И последнее, что сейчас нужно Деву, это разбившаяся в лепешку титулованная леди. – Она помолчала. Фамильярность прозвища словно заполнила все пространство между ними. – Вы ведь титулованная, верно?

Фелисити моргнула.

– У моего отца есть титул, да.

Женщина прошла мимо Дьявола так, словно его тут и вовсе не было.

– Очень увлекательно. И что это за титул?

– Он...

– Не отвечайте ей, – сказал Дьявол, входя в комнату. Он бросил шляпу на ближайший столик и прибавил газа в лампе. Помещение залил золотистый свет. Дьявол повернулся лицом к Фелисити, и она попыталась подавить порыв уставиться на него.

Ничего не вышло.

Она стояла и смотрела во все глаза на его тяжелое пальто (слишком теплое для этого времени года) и высокие сапоги, заляпанные засохшей грязью, как будто он где-то резвился со свиньями. Он скинул пальто и небрежно бросил его на стоявший неподалеку стул, явив взору настолько вольный наряд, что она, пожалуй, ничего подобного на представителе противоположного пола и не видела никогда. На нем был узорчатый жилет, надетый поверх льняной рубашки, и то и другое в серых тонах, но никакого галстука. Ничто не прикрывало вырез рубашки, в котором виднелась жилистая шея и большой треугольник кожи, припорошенной черными волосами.

Она никогда раньше такого не видела. На пальцах можно пересчитать случаи, когда ей удавалось увидеть без галстука отца или Артура. Да и вообще, она в жизни своей не видела никого настолько мужественного.

Треугольник обнаженной кожи полностью поглотил ее.

После долгого молчания до Фелисити все же дошло, что она неприлично уставилась на мужчину, и девушка перевела взгляд на женщину, чьи брови высоко взлетели. Она точно знала, что чувствует Фелисити. Не в силах выдерживать ее любопытный взгляд, Фелисити снова посмотрела на Дьявола, на этот раз на его лицо. Еще одна ошибка! Привыкнет ли она когда-нибудь к тому, как он красив?

Тем не менее он мог бы не смотреть на нее так, словно она насекомое, попавшее ему в овсянку.

Впрочем, он не похож на мужчину, который ест овсянку.

Он прищурился, и Фелисити поняла, что с нее довольноно.

– Что вы едите на завтрак?

– Что, во имя... – Он помотал головой, словно пытался прояснить мозги. – Что?!

– Не овсянку, нет?

– Боже милосердный. Нет!

– Очень увлекательно, – сказала женщина.

– Во всяком случае, не для тебя, – отозвался он.

Фелисити ощетижилась, услышав этот резкий тон.

– Вам не следует так с ней разговаривать.

Женщина широко улыбнулась.

– Полностью согласна.

Фелисити повернулась.

– Думаю, мне пора идти.

– Вам не следовало приходить, – произнес он.

– Эй! Ты *точно* не должен так разговаривать с *ней*! – воскликнула женщина.

Дьявол уставился в потолок, словно просил послать ему терпения.

Фелисити попыталась пройти мимо него.

– Погодите. – Он протянул руку, чтобы остановить ее. – Прежде всего – как вы сюда попали?

Фелисити остановилась.

– Вы же дали мне адрес.

– И вы просто пришли сюда из Мейфэра?

– Какая разница, как я пришла?

Ее вопрос взбудоражил его.

– Разница большая, потому что по пути сюда с вами могло приключиться все, что угодно.

На вас могли напасть грабители. Вас могли похитить любые головорезы, а затем потребовать выкуп.

Сердце девушки отчаянно заколотилось.

– Злодейского типа?

– Вот именно, – согласился он.

Она изобразила наивность.

– Вроде тех, кто может пробраться в чужую спальню без предупреждения?

Он застыл. Затем нахмурился.

– Оооо! – Женщина захлопала в ладоши. – Не знаю, *что* это значит, но звучит *восхитительно*. Куда лучше, чем то, что можно увидеть в Друри-лейн³.

---

³ Друри-лейн – старейший из непрерывно действующих театров Великобритании.

– Заткнись, Далия, – раздраженно бросил он.

Далия. Это имя казалось самым для нее подходящим. Таким, которое никогда не могло принадлежать Фелисити.

Далия ничего не ответила, и он повернулся к Фелисити.

– Как вы сюда попали?

– Взяла кеб.

Он выругался.

– А как вы попали *сюда*? В мои комнаты?

Фелисити замерла, отчетливо ощущая шпильки в волосах. Она не могла сказать ему правду.

– Двери были не заперты.

Он прищурился, глядя на нее. Он знал, что она врет.

– А как вы попали в здание?

Фелисити лихорадочно пыталась придумать какой-нибудь осмысленный ответ – что-нибудь, лишь бы не говорить правду! Ничего не придумав, она решила просто его проигнорировать. Снова сделав шаг к двери, она сказала:

– Приношу свои извинения. Я не ожидала увидеть вас тут со своей... – Она поискала слово. – Подругой.

– Она мне не подруга.

– Ну, знаешь ли, это совсем нелюбезно, – возразила Далия. – И подумать только, ведь ты когда-то был моим любимчиком!

– Никогда я твоим любимчиком не был.

– Хммм. Ну, уж сейчас точно нет. – Она повернулась к Фелисити. – Я его сестра.

Сестра.

Мощная волна чего-то, чему она не хотела подыскивать название, захлестнула Фелисити с ног до головы. Она склонила голову набок.

– Сестра?

Женщина улыбнулась, широко и дерзко, и на мгновение Фелисити увидела между ними сходство.

– Одна-единственная.

– И хвала Господу за это.

Не обращая внимания на ехидное замечание Дьявола, Далия подошла к Фелисити.

– Вам нужно как-нибудь прийти повидаться со мной.

Прежде, чем Фелисити успела ответить, вмешался Дьявол:

– Ей совсем не нужно видеться с тобой.

Одна рыжая бровь изогнулась дугой.

– Потому что она пришла повидаться с *тобой*?

– Не повидаться.

Далия с многозначительной улыбкой повернулась к Фелисити.

– Думаю, я уже *все* вижу.

– Если это поможет, я *ничего* не вижу, – сказала Фелисити, чувствуя, что должна вмешаться и положить конец этому странному разговору.

Далия постучала пальцем по подбородку, внимательно рассматривая гостью.

– В конце концов увидите.

– Никто никого не видит! Далия, убирайся отсюда!

– Фу, как грубо, – сказала Далия и шагнула вперед, протянув руки к Фелисити. Девушка вложила в них свои. Далия притянула ее к себе, поцеловала сначала в одну щеку, потом в другую и прошептала: – Семьдесят два, Шелтон-стрит. Скажешь, что Далия тебя ждет. – Она посмотрела на брата. – Мне остаться и побыть дуэньей?

– Убирайся.

Сестра самодовольно усмехнулась.

– Прощай, братец.

И ушла, словно все происшедшее было самым обычным делом.

Разумеется, ничего обычного тут не было с самого начала. С того момента, как Фелисити без компаньонки выбралась в сад за домом, прошла пешком три четверти мили и наняла кеб, чтобы доехать сюда, в самый центр Ковент-Гардена, где она никогда не бывала раньше, и правильно делала – во всяком случае, так ей казалось.

Однако теперь она оказалась тут, в этом таинственном месте, с этим таинственным мужчиной, и таинственные женщины шепчут ей на ухо таинственные адреса, и Фелисити даже ради спасения собственной жизни не может найти причину не быть здесь. Все это настолько волнующе!

– Не делайте такой вид, – сказал Дьявол, закрыв дверь за сестрой.

– Какой?

– Как будто это очень волнующе.

– Почему нет? Это и в самом деле очень волнующе.

– Что бы она вам там ни наговорила, забудьте это.

Фелисити засмеялась.

– Не думаю, что такое когда-нибудь случится.

– Что она вам сказала?

– Мне кажется, если бы она хотела, чтобы вы услышали, что она мне говорит, то произнесла бы все гораздо громче и отчетливее.

Он сжал губы в тонкую линию, и шрам его внезапно резко побелел. Ответ ему явно не понравился.

– Держитесь подальше от Далии.

– Вы боитесь, что она меня испортит?

– Нет, – резко ответил он. – Я боюсь, что вы ее погубите.

У Фелисити от изумления открылся рот.

– Прошу прощения?

Он посмотрел в сторону, на буфет, где стоял хрустальный графин, полный янтарной жидкости. Как пес, учуявший дичь, он подошел туда, налил содержимое графина в стакан, сделал большой глоток и снова повернулся к ней.

– Нет, спасибо, – едко произнесла Фелисити. – Я не пью то, чего вы мне не предложили, что бы это ни было.

Он сделал еще глоток.

– Бурбон.

– Американский бурбон? – Он не ответил. – Американский бурбон слишком дорог, вам не по карману пить его, как воду.

Он смерил ее холодным взглядом, налил еще один стакан и подошел к Фелисити, протягивая стакан ей. Девушка потянулась к нему, но Дьявол отвел руку, и на его большом пальце блеснуло серебряное кольцо.

– Как вы сюда вошли?

Она поколебалась.

– Я все равно не хочу это пить.

Он пожал плечами и вылил содержимое в свой стакан.

– Ну хорошо. На этот вопрос вы отвечать не желаете. А как насчет такого – зачем вы тут?

– Мы с вами договаривались.

– Я собирался сам прийти к вам, – сказал он.

Мысль о том, как он карабкается по шпалерам в ее спальню, не вызвала неприязни, но она все же сказала:

– Мне надоело ждать.

Он вскинул бровь.

– Я вам не мальчик на побегушках.

Фелисити резко втянула в себя воздух. Это прозвучало так холодно, и ей совсем не понравилось, что его слова ее задели. А если быть совсем честной, то она обиделась.

– Ну, если вы не хотели, чтобы я сюда приходила, не надо было оставлять мне визитную карточку с адресом.

– Вам не следует появляться в Ковент-Гардене.

– Почему?

– Потому, Фелисити Фэрклот, что вы собираетесь выйти замуж за герцога и занять принадлежащее вам по праву место жемчужины светского общества, а если какой-нибудь стареющий аристократ увидит вас тут, этого никогда не случится.

Он был прав, но, как ни странно, всю дорогу сюда она даже не вспоминала о светском обществе. Была слишком взволнована предстоящим свиданием.

– Никто меня не видел.

– Я уверен, это вовсе не потому, что вы выделяетесь тут как маргаритка в грязи.

Теперь взлетели вверх ее брови.

– Маргаритка в грязи?

Он сжал губы.

– Это фигура речи.

Она склонила голову набок.

– Правда?

Он сделал глоток.

– Ковент-Гарден не для вас, Фелисити Фэрклот.

– Да почему?

Неужели он знает, что этот запрет вызывает в ней желание исследовать каждый закоулок этих мест?

Он долго смотрел на нее непроницаемым взглядом темных глаз, затем коротко кивнул, повернулся и пошел в дальний угол комнаты, где потянул за шнур. Возможно, он *действительно* знает.

– Совсем не обязательно звать кого-то, чтобы выпроводили меня отсюда, – сказала Фелисити. – Я же нашла дорогу...

– Это мне давно понятно, миледи. И я не хочу, чтобы вас кто-нибудь выпроваживал. Не могу рисковать, чтобы вас увидели.

Он ужасно раздражал, этот мужчина, и терпение Фелисити истощалось.

– Боитесь, что я погублю вас, как и вашу сестру?

– Это вполне вероятно. А у вас нет... не знаю даже... камеристки, или компаньонки, или кого-нибудь в этом роде?

Вопрос привел ее в замешательство.

– Я *старая* дева двадцати семи лет. Мало кто обратит внимание на то, что я путешествую без компаньонки.

– Я уверен, что ваш брат, ваш отец и множество щеголей из Мейфэра еще как обратят внимание на то, что вы без компаньонки явились в мою контору.

Фелисити обдумала это.

– Вы думаете, наличие компаньонки сделало бы мое пребывание здесь более приемлемым?

Он нахмурился.

– Нет.

– Вы считаете меня более опасной, чем я есть на самом деле.

– Я считаю вас настолько опасной, насколько вы есть.

Его слова, произнесенные так прямолинейно, заставили ее замолчать, при этом Фелисити ощутила, как в ней зарождается какое-то странное чувство.

Что-то, подозрительно похожее на власть. На могущество. Она резко втянула в себя воздух, и он смерил ее взглядом.

– Ничего волнующего в этом тоже нет, Фелисити Фэрклот.

Мысленно она с ним не согласилась, но решила, что лучше не говорить об этом вслух.

– Почему вы так упорно называете меня по имени и фамилии?

– Это напоминает мне о том, что вы – принцесса из сказки. Прекраснейшее покрывало.

Право же, самое прекрасное из всех.

Его ложь уязвила, Фелисити тотчас же разозлилась на себя за то, что позволила себя этим зацепить – сильнее, чем разозлилась на него за откровенное вранье. Однако вместо того, чтобы прямо сказать ему об этом, она заставила себя рассмеяться над неприятной шуткой.

Его брови сошлись на переносице.

– Вам смешно?

– Разве вы не этого добивались? Разве не считали себя невероятно умным?

– И как я умничал?

Он хочет заставить ее сказать это вслух – и за это она возненавидела его еще сильнее.

– Потому что я прямая противоположность «прекраснейшей». – Он ничего не ответил и глаз не отвел; Фелисити почувствовала, что должна продолжить. Высказать все до конца. – Я самая невзрачная из них всех.

Он по-прежнему молчал, и она почувствовала себя дурой. И начала раздражаться.

– Разве не в этом заключается наше соглашение? – подтолкнула она. – Разве вы не собираетесь сделать меня красавицей?

Теперь Дьявол смотрел на нее еще внимательнее, словно она была любопытным экземпляром, лежащим под стеклом. А затем он произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.